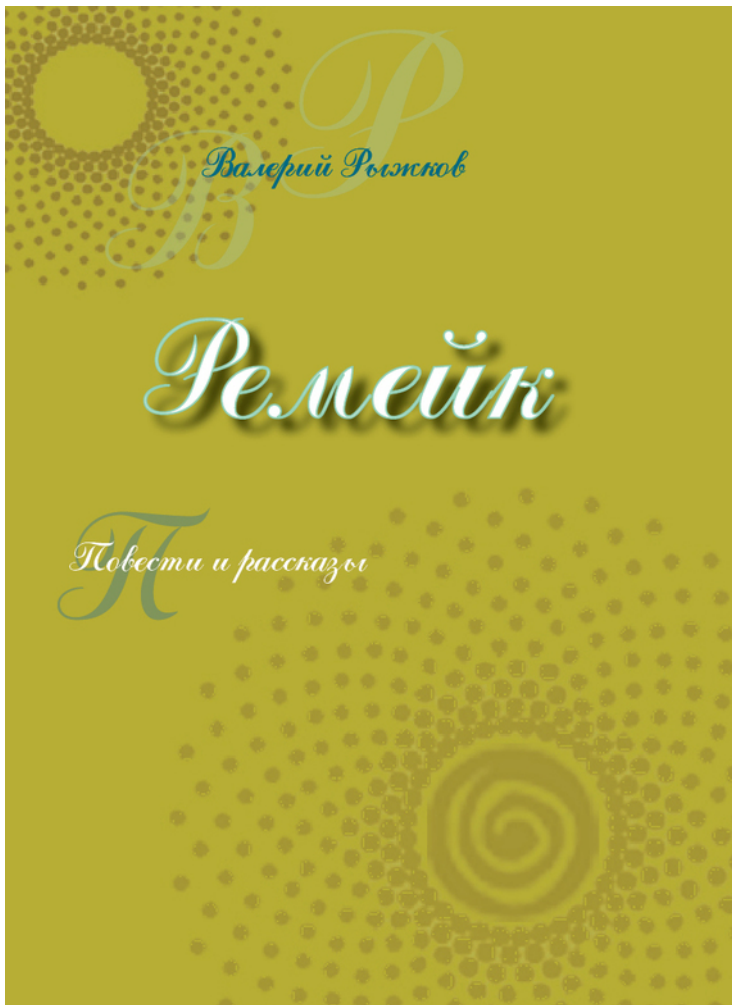

Валерий Дементьевич Рыжков

Ремейк (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4418535
Ремейк (сборник).: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 978-5-93682-411-1

Аннотация

Ремейк – это психологический роман о любви, когда неповторимые чувства повторяются вновь, когда отношения мужчины и женщины – это эксцентрическая драма, когда любовь – это шок, когда семейная жизнь – это иллюзия и только. Логика жизни определяет в настоящей действительности человеческие поступки и характеры.

Ремейк, Таежники, Летний Сад на Каменном острове – повести.

Акварель, Ляляфа – рассказы.

Содержание

Ремейк	4
Часть I	4
Часть II	21
Часть III	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерий Рыжков (Рудин)

Ремейк (сборник)

Ремейк

Часть I

Клип – час предопределения

1

В городскую больницу скорой помощи, что на северо-западе города, привезли неизвестного пострадавшего. И как только каталка въехала в приемный покой, подталкиваемая санитаром, дежурный врач присвистнул, так как он увидел своего коллегу, с которым простился два часа назад. Говорят, когда обувь с ног скинута, прогноз плохой. Все плохо, потому что сбила машина и скрылась с места происшествия. Говорят, что так делают. Так это случилось на пешеходном перекрестке и при стечении людей, и какой-то прохожий позвонил с мобильного телефона и вызвал «скорую помощь». Наверное, это уже неинтересно.

Главное – состояние пациента, а оно крайне тяжелое, так будет записано в больничной карте. Тело пациента лежало на реанимационной койке. В коме. Без сознания, где он находится. Пройдут почти полгода, которые ему покажутся одним днем. И это состояние спасло его. От мучительных переживаний, которые происходит из-за падения давления, повышения температуры. Он просто об этом не знал. Эта была такая минута жизни – без стрелок и тиканья механизма часов. Он не знал, где он находится сейчас. Тут или там. О жизни тела свидетельствовали только датчики аппаратуры. Рядом с кроватью, как гвардейцы, стояли стойки капельниц в ряд. Тело было напичкано шлангами и катетерами. В течение нескольких суток в тело вливалась и выливалась по трубочкам жидкость.

В этой алхимической лаборатории сновали медицинские сестры, которые время от времени сменяли катетеры и протирали бедра и крестец камфарным спиртом. Если верить павловскому учению, то, наверное, с этого рефлекса и возвращается жизнь в подсознание.

Несмотря на то что пациенты находятся в коме, персонал чаще изъясняется жестами и шепотом. Реаниматор похлопывает по лицу, вдруг пациент впервые за прошедшие дни морщится на неприятное раздражение извне. Потом врач насильственно приподнимает веко и светит фонариком в темный зрачок, который от яркого света суживается. Реаниматор похлопывает больного по плечу и заключает философски, что пациент после продолжительного лечения и перекатывания из палаты в палату возвращается в жизнь.

Следующая запись в истории болезни свидетельствует, что при первых проблесках сознания он стал мастурбировать с одеялом, как если бы обнимал тело возлюбленной женщины. Прижимался к подушке, как к женской щеке. И, изнемогая от истомы, снова терял сознание и контроль над собой. Наверное, это был посткоматозный фетишизм.

Но с этого момента пациент уже возвращался в жизнь. И на третьи сутки ушло окончательно просоночное состояние. И все, что он видел и слышал: туннель, яркий свет, шепот, лязг металлического инструмента – теперь уже в его жизни не существует, к нему вернулись ясность сознания и воля.

И это был Я. Тело только на время было моим двойником. О теле, но не о душе было написано столько сколько никогда не будет записано нигде о том, а что я думал. Для реаниматора важны пульс, давление, температура, сердцебиение, биотоки мозга, а то что пролетело в один миг, – об этом ни строчки. Наверное, сейчас, спустя много лет, пылится моя история болезни где-то в архиве.

Мной уже была пройдена половина жизни, когда я оказался не в сумрачном лесу, а в реанимации. И реанимация стала только одним мгновением моей жизни.

В моей руке пять камней, я их собрал со дна реки. Камни говорят, и как ни брось, они, разлетаясь, указывают на прошлое, настоящее и будущее. С каждым броском – разная судьба. Если настоящее не похоже на прошлое, то будущее будет другим. И вот перемена мест – перемена счастья.

2

Где-то тут, на Моховой или в Соляном переулке, живем я и мой двойник. Считаю, что достоевщина. В Петербурге без Достоевского – как без Чайковского. Не в этом суть, а в том, что я и двойник думаем и делаем одинаково, а так в городе на Неве не живут. Без фантастики и мистики и белая ночь не придет. Если начинаешь жить одной жизнью с двойником, то это застой.

В Соляном переулке идет дождь. По водосточным трубам стекает вода. Жестянщик, как Страдивари: тот мастерил скрипки, а этот расположил водосточные трубы, которые в дождь играют, вторя джазу в кафе «Муха-цокотуха».

Я в комнате на диване, за окном аквариум, в котором плавают под зонтиками прохожие и машины-амфибии. Это там, а я здесь. Такое философское состояние я называю «мысли под одеялом». Времени предостаточно. Но какая лень! Думал, но не предполагал, что это случится именно со мной. Вот такая фишка жизни. Какой сюжет в моем жизненном романе! Я не ставлю вопросов, почему или за что.

Жил, любил припеваючи. Что было в детстве? То же, что у всех. Помню, отец говорит матери: «Ты, Варенька, почитай на ночь про бабу, которая под поезд упала». – «Про Анну Каренину, что ли, так про нее вчера читала, ну ладно, если ты такой непонятливый», – и читается снова всего одна страница на сон грядущий. Я и не помню, был дочитан этот роман или нет.

Я впервые у родителей и спросил: есть ли бог? И они по секрету, как пионеру, сказали: есть.

Иногда мне казалось, что кто-то должен меня спасать. Зачем, если через некоторое время все станет очевидным.

Я возвращаюсь в ощущение прошедшего, в те времена, когда мне было тридцать, двадцать или двенадцать лет. Время это в памяти в красках сохранено и живет в моем настоящем, и это продолжение прошлого.

Это ремейк без героя, без назидания, мой калейдоскоп уже смонтирован в клип памяти.

Это все равно что смотреть в полутемное зеркало: что-нибудь да и увидишь, прежде всего себя, а потом двойника, который стал старше, с сеткой лучей у глаз и серебристыми волосами.

Я встретил ее и услышал. Ее голос нежный и трепетный. Когда-то она выжидала час, или день, или месяц, чтобы увидеть услышать меня, рискуя быть разоблаченной в своих чувствах. Теперь есть возможность встретиться. Она отнекивается. На вопрос – почему, она отвечает: «За эти годы я постарела». И я ей в ответ, что это чушь, что и я не помолодел. Спыхватываюсь и сам себе говорю: вот именно, не помолодел. И на прощание – обязательно встретимся. Я к этому уже привыкаю и понимаю, что все готовы жить грезами, что значи-

тельно убедительнее, чем встреча с ощущением, которое осталось в прошлом. У нее другие заботы, и я ее понимаю. Но она еще долго говорит по телефону, а потом, спохватываясь, спрашивает, почему я уделяю ей так много времени. Ответ простой – люблю. В это мгновение и есть самая лучшая сторона жизни моего Я, а не двойника.

А в Соляном переулке идет дождь под джаз водосточных труб.

3

От смятения чувств я так и не уснул в июльскую теплую ночь. Что со мной? Кого спросить – няню, маму, любимую?

Что делал вчера? Лежал и вспоминал, как впервые любил и как любили меня. Или обожали. Лица пролетали, как тени, передо мной и все тоже на череду дней с эпизодами встреч. А это теплота губ, трепет тела. Вижу только глаза и улыбку.

Встречи как обман. Кто-то ей подсказал, или я ей такое наплел. Подтвердил, да еще и уверил ее в чужих для меня чувствах.

Ей кто-то сделал комплимент, и он был более значимым, чем мое объяснение в любви. Через это я ее потерял. Это было ее предательство по отношению ко мне, потому что слова мои уже ничего не значили. Она находилась во власти другого, и я для нее был чужой.

Мое прозрение. Как видение наяву. Это как оказаться в океане на плоту. Я еще не отлюбил, а меня разлюбили. Предали.

Наш роман не написан на бумаге. Он в жестах, пожатиях руки, поцелуях. И в ее последнем слове: прощай.

Кто там за меня писал мою книгу судьбы. Почему он повел меня таким тернистым бездорожьем по жизни. Почему у меня отнимается то, что дорого мне. Если спросили меня, что еще мне нужно, то, наверное, ответил бы, только еще и еще одно мгновение. Но...

Я потом прозрел на то, что не замечал и не слышал. Я ощутил какую-то перемену. И с каждым мгновением наплывали навязчивые мысли, которые метлой не разгонишь.

Что откуда приходит. Новые чувства. Всматриваюсь в небо и каскад кучевых облаков, взвешены с многокупольными главками надо мной, воздушный собор плывет над Петербургом.

В этом мое самовыражение в преодолении личных чувств. Ощущаю упругость в теле. Новый шаг легче. И уверенность возвращается ко мне. По наитию иду к самому себе – от тебя, которой уже нет рядом.

И шепчу: «Дай мне силы собрать волю. Рассей тревогу. Не обманывайся легкой победой. Сладость, может, горчить. Чем быстрее утолишь голод, тем утомишь себя».

4

Все ранние браки по одной и той же причине состоятся. После развода каждый получает одно право: свободу прихода и ухода. Но тут у каждого начинается правильная жизнь, что начинают приходить вовремя и стараются еще реже уходить из дома. Каждый произносит как молитву, что, да, он, свободен, но что делать собственно можно с этой свободой. И тем не менее свобода приносит неожиданные повороты в судьбе. Не сразу предоставляет возможность реализовать себя. Это происходит не сразу и не на следующий день или месяц. Тогда когда свобода дает право выбора. И в этом значимость свободы, которое как плод приносит счастье любви.

Я спрашиваю ее, за что меня любишь.

Ответ первый: за то, что я такой.

Ответ второй: за то, что во мне что-то осталось от жизни.

Ответ третий: за все.

Но это не лавры любви эгоиста. Когда я перестаю понимать, за что меня любят, я чувствую, что меня достали.

Она частный случай в моей жизни, раздраженно и назойливо требует моего внимания. Это не новая волна ощущений после ее поцелуев. Но запах ландыша ее тела, снимает тревогу и возвращает чувство уверенности, и я ей прощаю поздний звонок в ночи, ее назойливость, нервность, которые сродни страсти, если смотреть на все как в немом кино.

Наши отношения проходят под блюз дождя. В осенний вечер в комнате с тусклым светом и неторопливый разговор соседей за стенкой и дождем за окном. Разве я раньше мог целый вечер слушать, как стучит по дребезжащим трубам вода. Блюз дождя не услышишь в новостройках. Это только на Моховой или в Соляном переулке. Звук дождя. Сначала слышится звук, как бывает при протечке крана на кухне. Потом как в ванне, когда вдруг дали горячую воду. Легкое журчание сменяется бульканьем, и звук становится мягким и приглушенным. И тогда начинаешь привыкать к этим звукам. И слышишь оркестр водосточных труб. И дирижер-туча над городом. Каждая труба выводит свою мелодию звука падающей воды. Каждая труба выдает свою мелодию. Я держу ее руку, веду по комнате, под мелодию блюза дождя. В доме напротив тоже танцуют до окончания дождя.

5

Она боялась произносить слово «счастье». Когда я ей говорил, что со мной такого еще не было, не поверила. Или боялась поверить как провинциалка. Научилась жить ожиданием и опять жила ожиданием, что и стало ее образом жизни. Она написала ему письмо от третьего лица.

Судьба распорядилась так, что она увидела его, когда уже не было в жизни никакой надежды на счастье. Так бывает на неизлечимую болезнь. Разбитая морально, уставшая физически. И вот он красивый, умный, интеллигентный. Такой мужчина – мечта каждой женщины! А женщин у него было много. Не было ее. Однажды она дрожащей рукой дотронулась до его красивых, серебряных волос. Тогда он не знал, что она та, которая нужна ему. Долго еще не знал...

Она ревнует его, сомневается в нем, боится за него, зная наперед, что у него все будет хорошо. Она так любит его! «Любимый, не будет тебя – и не будет меня». Она последние слова повторяла даже при мимолетной встрече.

6

Нас связывает слово любви не тогда, когда ты любишь, а когда тебя любят.

И если вы меня спросите, когда человек совершает грех перед другим, не перед собой, а перед тем, кто тебя любит. И только эта любовь может нас остановить перед падением в грех. Еще больший грех мы совершаем, когда перестаем любить себя и совершаем падение во грех, когда продаем свою любовь, когда душа не готова к любви, не стремись к соитию. Еще больший грех, когда тебя не любят, и тогда ты можешь совершить еще больший грех.

Грешных людей очень мало на земле, а больше всего на свете несчастных и одиноких, а они чаще всего пребывают в заблуждении.

Это сказал мне на прощание человек по имени в миру Сергей. От рождения инвалид. Ему было лет сорок, который прожил всю жизнь то в коляске, то на костылях и жил милостью от других людей. Горько познал и жизнь искупил молитвой. Он не познал женской ласки, если только материнской, но не женской. Но что удивительно, когда другие падали, помогал вставать и идти вперед.

В трудную минуту я думал так, если он мог выстоять, значит, и я выстою.

– Разве Бог наказывает заблудившихся?

– Нет, но разве вы не верите, что Он есть?

– Верю и знаю. Я не оставляю мысли о том, что есть. Потому что Он часто вел со мной беседы и даже вызывал на разговор вслух. Видели вы человека говорящего, который в добром здравии, исключая бред. Для постороннего мы говорим вслух, а иногда он сводит нас с лицом, который далеко от нас, и мы с ним говорим, спорим, а потом успокаиваемся.

– Да, мы часто просим у него защиты, а иногда просим, а Он нам не дает, дабы не искушать нас и не вводить в грех. Иногда он нам позволяет то, что не можем позволить сознательно. Не на каждого падает перст Божий. Раз он нам позволяет, значит, он нам прощает.

Не отрекайтесь от веры, даже если она не современна.

– Я старовер. И мне говорят, что нельзя ходить в церковь. И мне говорят, что это плохая вера.

– Эта вера старая. И каждая религия имеет идеологию, но Бог в агитации не нуждается. И, как верите, так и верьте. Это не просто набор цитат, а система мыслей, взгляд из прошлого через настоящее в будущее. Староверы живут среди нас, и им помогает Бог в их помыслах. Я служу Богу, и он ценит мои заслуги. Это не тяжкий, но тяжелый труд. Тело и дух должны быть неразделимы. Через искания он дал твердость в моих помыслах. И нет осуждения моим деяниям, если это угодно Богу.

Делайте то, что угодно вам и Богу. Если у вас не будет получаться, это не несчастье, это не проклятье, а это не угодно Богу.

Каждый искупает не только свою вину, но и своих родителей, когда искупится вина и заклание пройдет на этого человека. И будет он свободен, сильный, красивый, прекрасный, и будет искушаем, и много он совершит противоестественных деяний, и последующим поколениям вновь придется искупать вину, которому было дано все, и он не сумел правильно оценить свои возможности. А тот, кому это дано, он есть тот ученик Бога, который пройдет половину пути жизни и станет учителем, и будет помогать тем, кто нуждается в помощи.

7

Любовь с такой горечью, что эту любовь и не ощущаешь.

Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают. И память о них предана забвению.

И любовь их, и ненависть их, и ревность их уже исчезли.

И точка. Ваши страдания исчезают из мира, что не договорено, не досказано и не долюблено. И возврата к этому нет. И не надо.

Так случилось, что я не могу жить с любимой, и я лишен этой доли радости.

Те, которые скоро приходят, рано и уходят. У них свои заботы.

Это то облачко, которое принесло ураган. Человек совершил поступок, ничего не значащий. И мне казалось, ну чего делать бурю в стакане? И я переубеждался, потому что приходила буря и разрушала весь мир.

Человек с искрой Божьей – это человек совестливый.

8

Это последняя ее любовь ко мне, как она, по крайней мере, говорит, и от этого у нее последняя навязчивая любовь ко мне.

Она ревнует. Она мне порой грубит, потом, унижаясь, просит прощения и снова грубит.

– Ты меня простил?

– Я еще об этом не подумал.

– Ну и не думай, я больше так не буду делать.

Неужели я могу взять и все ей сказать? Я отмалчиваюсь.

Через день она в дождливое утро встречает меня из метро. Я этому не удивляюсь, я привык к ее трюкам, прийти и час ждать меня, когда я поеду на работу.

– Зачем? – спрашиваю я ее.

– Я не могу без тебя.

Мы идем. Потом разговор ни о чем. Она просяще смотрит в парадные домов. Она хочет, чтобы я затащил ее туда и как прежде стал ее целовать. В это утро я этого не хочу.

Потом я все-таки назначаю встречу через час.

В комнате, в замкнутом пространстве, под ключом. Никто не может войти. Она порывисто прижимается ко мне, делает больно. Я ее отталкиваю от себя. Она на коленях приближается ко мне. Поцелуи. Страсть. Вдох. Вскрик. Замирание сердца. Молчание. Непрошенная слеза на ее щеке. И счастливые глаза.

На прощание заходим в кафе. Она счастливо смотрит в окно.

– Хорошо, но мало.

– Достаточно, – я ей грублю, показывая ей меру, какой она заслуживает моей любви.

Она болезненно принимает это. Но согласна принять то, что ей дается взамен жадных поцелуев. Поцелуев без запрета. За мужской запах тела.

Ее инсайт, ее пробуждение, ее заблуждение в своих и моих чувствах.

Я приучил ее к тому, что ей ничего не обещаю – ни свидания, ни телефонного звонка. Потому что все равно будут и звонки, и свидания.

– Что со мной? У меня нет насыщения.

– Это похоже на депрессию.

– А если жор.

– На эйфорию.

– Я снова в тебя влюбилась, как пять лет назад. Ты стал такой, какой был тогда, сильный и яркий. Успешный.

– Это и твоя заслуга.

– Ну наконец-то меня оценили.

– Я и был таким, ты только на меня сейчас по-другому смотришь.

9

Она вошла в кабинет рабочего офиса. Я ее знаю лет десять. За эти годы было два всплеска каких-то чувств с быстрым угасанием, но в целом наши отношения не менялись, напоминали характер дружественных, умеренно симпатизирующих сторон.

Ее высокомерие по отношению ко мне было и раньше, когда она говорила, что для меня так и останется моложе на десять лет.

Но проходит юность, и для всех одинаково наступает возраст осени. На ней теперь вместо красного наряда был черный костюм с фиолетовым платком на шее.

– Я не хочу идти домой. Иногда мне хочется задушить мужа, но не натурально, конечно. На прошлой неделе пошли с ним в ресторан, и он напился, как свинья. И что каждый день я вижу: он лежит на диване, ребенок у компьютера. Она смотрит на меня с некоторым удивлением, потом восклицает.

– Нет развестись я с ним не могу. Я потеряюсь. Разве я смогу прожить на пять МРОТ. Таких маленьких минимальных окладов. Скажи, ты еще меня любишь? Я еще никого настоящему не любила.

– Вот и хорошо. Живи себе и не переживай.

Я подошел и обнял ее.

– Не надо. Мне нужен друг, а не любовник. Я тут уже поссорила с одним старпером. Он раздражен на меня, что ему целый год пудрю мозги. Это он подарил мне колечко с бриллиантом.

Я погладил ее шею, спину. Она прикрыла глаза. Стала тихо постанывать от блаженства. Вечер. Проходим мимо цветочницы. Хризантемы.

– Они не осыплются?

– Если их не ударять, то они будут долго стоять и напоминать об этом вечере. Ты слышала, что их нельзя бить.

– Спасибо. – Она опустила свой нос во влажные листья. – Неужто ты думаешь, что ими я буду бить или пол мести.

10

Это был визит вежливости. Когда такси остановилось по назначенному адресу. Наверное, это был дом серии сто тридцать семь. Восьмой этаж. Вышел, поднялся на этаж выше. Позвонил в дверной звонок. Дверь распахнулась, и она вышла в распахнутом халате с полотенцем на голове в виде чалмы. Рядом повизгивал пудель.

– Я не опоздал к раздаче любви?

– Вы как всегда в своей манере.

– Шучу-пошлю, пойми, бизнес требует приносить в жертву любовь.

– Понятно. Корпоративная вечеринка, презентация. Раньше собрания, заседания, вечно мужчины что-нибудь да изобретут.

Я прошел в гостиную. Как всегда две чашечки под кофе. Она пригласила к столу.

– Может, это потом, – я потянулся к ней.

– Разве путь к вашему сердцу лежит не через желудок, – пропела она, распахнувшийся халат оголил ее красивое бедро.

– У меня один путь, через желудочки сердца.

Через час она стала говорить, как будто жаловаться.

– Я хочу перемен в жизни.

– Повторить все сначала, так это такой длинный путь, придешь к тому же, работа, в пятницу – банный день, в субботу и воскресенье поездка на садовый участок.

– Ты не романтик.

– Но и не практик.

Она взяла мою ладонь и укусила.

– Мне больно! – Мне еще больнее, – произнесла она, чмокнув в укушенный палец. – Не расстраивайся, до развода заживет.

Мы выпили третью рюмку коньяка.

– Как я хочу на море и плавать при полной луне...

– Догоняй, – прервал я ее на полуслове.

– Что с тобой, никакой романтики.

– Не злись, – а сам подумал, перебила подруга, как кошка, после валерьянки.

– Это только я с тобой веду так непосредственно. Я слабая женщина. Меня легко усмирить.

Зазвонил будильник.

– Нам пора. Наше время истекло. Тебе понравилось, милый?

– Все замечательно! Видно, так заведено...

– Милый, прошу, только не читай мне стихи про любовь. Не верю я в нее.

11

И новые встречи повторялись так же, как один и тот же сон.

Она сидела на диване. На журнальном столике стояли два прибора. Я почувствовал ее отчужденность.

Она была погружена в себя. Ее взгляд был отрешенный. Разговора обычного не было, а была натянутость и нарочитое равнодушие.

– Милая, в твоей жизни что-то поменялось. Ты так себя ведешь, будто что-то совершилось.

– Мне приснился сон.

– Сон? Опять сон. Ты веришь снам.

– Это был необычный сон. Будто я тебя потеряла.

– И кого-то нашла?

– Да.

– Так это хорошо.

– Чем. Я так несчастна. Ведь это несчастье, что человек не может любить одного.

– В чем-то несчастна.

– Вот именно.

Прошло два дня, и она, встретив меня в коридоре, спросила, может ли она прийти ко мне. Я холодно ей ответил. И услышал ее ответ:

– Ты меня охладил. Я пришла тогда на вечеринку к подружке. Я не могла ни на минуту забыть о тебе. Твои слова были во мне, я никак не могла от них избавиться. Ты испортил мне весь вечер.

– И только! Но ты спокойно это можешь пережить. Подумаешь, неудачно сложились отношения в этот вечер, будет другой.

– Другого не будет. Я не могу полюбить другого.

– Прошу, уходя, не хлопай дверью.

12

Кому не дано быть нелюбимым, – это прежде всего тем, кто сам не любит.

– Как ты ко мне относишься? Я тебе нравлюсь? Любишь ли ты меня?

– Я никого не хочу любить, – ответила она с чувством некоторой гордости.

– Почему?

– Просто я вижу, чего вы все от меня хотите – переспать.

– Так сразу и все.

– Но мне так кажется. Один ухажер подарил колечко. А я его, дура, потеряла.

– Примета.

– Я не люблю приставаний.

– И прекрасно, – со вздохом заметил я.

Через день она мне позвонила.

– Я хочу к тебе зайти в офис.

– Ты так неожиданно позвонила.

– А ты обо мне думал?

– Думал! – солгал я.

– А ты меня любишь? – допытывалась она.

– Ты же знаешь, если только взаимно.

– Я о тебе думала.

- Вот и замечательно. – Что замечательно? Я хочу тебя видеть.
- Договорились. Перезвони завтра.
- Завтра я не могу.
- Тогда послезавтра.
- Тоже не могу.
- Позвони, когда сможешь.

Я знал, что она больше не позвонит, потому что она была женщиной настроения. Сколько таких звонков. Скучных. Ненужных. Хотя и без таких иллюзий тоже скучно.

13

Чаще просят не совета, а ответа. Как бы ты поступил, если я уже сделал этот поступок. Ответ звучит однозначно – так же.

Я понимаю желание молодого человека познакомиться с девушкой не по вызову, а по зову чувств. Которая одинока в чувствах и телом.

Как заглушить одиночество в ночи, такой вопрос был задан психологу.

Ответ. Идете в бар, берете чашечку кофе, присматриваетесь к обществу и всегда увидите двух щебечущих красавиц. И сидят они в кафе тоже минут пятнадцать, как и вы. Сутенер тут не нужен, можете сами завязать знакомство. На завтра цветы, на послезавтра – театр, на послепослезавтра посещение этого же бара, и она ваша.

Это все равно, что ходить по пустыне сорок лет. Зато если выжил, то отношения будут долгими.

Молодой человек, конечно, не понимает такого совета. Реалии жизни совсем другие. Ему хочется, чтобы девушка сразу поняла его и без оглядки отдалась ему.

Что будет с ней. Что она скажет маме, подруге или психологу. Психологу больше, чем подруге, маме меньше, чем подруге. Потому что молодой человек не принц, и говорил он глупости. А она его слушала, чтобы не быть кинутой, брошенной и непонятой.

Актеру, имеющему опыт работы, легче отыграть жизненную ситуацию, чем самому талантливому самородку. Актер переживает только непризнание его таланта, а самородок и в славе не подозревает о своем таланте.

Она рассказывает подруге о последней встрече. Я ему сказала все это с улыбкой. И на ее лице отразился патолого-анатомический оскал лица.

Каждый носит свое одиночество, демонстрируя это как искусство обольщения.

Развод. Одиночество. Всеобщее сочувствие или наоборот.

Развод – это разлука. Но каждый переживает это состояние в даже самой благополучной семье. Каждый становится индивидуумом.

Одиночество плата за успех, за превосходство одного над другим.

Если человек подготовлен состариться, то он продолжает доживать свой век с немолодой женой под одним и тем же лоскутным одеялом. И не ищет другого спального мешка.

Идеалы времени вселяют страх перед долгой жизнью, нарастающее угасание тела плодит свободных от брака, а после сорока – одиноких.

Живут и наслаждаются до брака, живут и страдают после развода, все остальное называется просто жизнь.

14

Что произошло с годами. Когда-то я ее целовал. Она, дрожа, стыдливо убегала домой по лестнице вверх. Теперь она не бежит. Ее беспокоят боли внизу живота.

Теперь все чаще слышишь, что у нее обострение гастрита или приступы климактерической депрессии.

Время... Мгновения... Совсем недавно не раздумывая целовал, страстно обнимая в объятиях.

Теперь скучно слушать, грустно видеть угасающую молодость. Я не хочу ее целовать. И не теряю головы, когда вижу ее усталую походку.

Удачная женщина, у которой есть все: муж, дети и любовник. Любовник, который приходит по первому ее зову.

Несчастливая женщина, у которой есть все. Но любовнику не позвонить после девяти часов вечера.

Я звоню ей по телефону. Ее тон голоса зависит от присутствия или отсутствия мужа. Я стал звонить настойчивее, выводя ее из равновесия.

– Я не могу сейчас говорить по телефону.

– Знаю. Я хочу тебя развести с мужем.

– Зачем? – она говорит серьезным тоном. – И что я буду делать после развода?

– Ты будешь свободно говорить по телефону.

– И только.

– А ты не хочешь?

– Я устала.

– От чего?

– От одиночества.

– Что ты хочешь?

– Любви! Тепла. Тебе кто готовит?

– Ты же знаешь, что у меня заезд в выходные дни. А так я ухаживаю сам за собой.

– За мужчиной должна ухаживать женщина.

– А что ты делаешь сама по отношению к мужу.

– Я другое дело. Но за тобой должен уход.

15

И стали эти мои слова молитвой вечерней. «Милая, нежная», и это мной больше не будет сказано.

Все вычеркнуто. Безвозвратно. Смятение переполняет меня, смешивая страсть и волнения. Душа в смятении. Угар любви. Той последней, как вздох перед погружением в воду. Не хватает воздуха. Тебя выталкивает вверх. И снова глоток воздуха. И все мало и мало. Силы иссякли от ощущения потери любимой женщины.

Все пришло нехотать. И горькая цена за утраченную молодость.

Что теперь – стариковское брюзжание. Путь к греху. Потеря любви заменяется чревоугодием и блудом. Отведи от всех грехов. До гордыни не доходит, так как уже раздавлен. Самый большой грех это гордыня, но оно скорее возникает в богатстве, силе и здоровье. Но каждый должен помнить, да притом в день успеха, что и падение может быть болезненным и непоправимым.

Все вытравлено в пепле любви.

Поставлена точка. Можно обмануться, но от себя не уйдешь. Легкость измены, это больше чем глупость.

Если измена по любви, значит, это подлость для того человека, против которого направлено это оружие мести.

И каменный гость с места сходит от боли распутства Дон-Жуана.

Эту горечь потери не преодолеть сознанием, тут или перегораешь до пепла, или побеждают здоровые чувства. «Аминь».

16

– Прочитала «Бовари». Жаль ее, бедняжку, как ее обманули.

– Сейчас бы сказали – кинули.

– Мне муж сказал, что я – дрянь, а я ему ответила, что ни о чем не жалею. Я тебе нужна капельку? Не той каплей, что переполняет чашу терпения, а чашу любви.

Потом...

– Ты издеваешься надо мной. Почему ты молчишь? Я хочу тебя увидеть. Я тебе еще нужна. Или у тебя есть другая женщина. Скажи. Я звонить больше не буду. Нет. Все равно позвоню.

Продолжение следует...

– За это платят, – цинично произнесла она, вставая с постели.

– За секс в постели?

– Тебе нужны экстремальные ситуации... Чтобы пахло каштанами.

Пауза...

– Я думал, что нас связывает любовь.

– Любовь?! Она давно умерла.

– Давай тогда не будем встречаться.

– Я так не хочу. Ты мне нравишься.

– Придется поступиться со своими желаниями, зачем терять время на встречи. Проще пойти в стриптиз-бар.

Рассказ продолжается... Я ее потчевал сельдью в красном вине. Она меня щепоткой солью, лимоном и коньяком. Это генеральская закуска.

В конце концов, соль, лимон и стопка коньяка. Пошло-поехало. Сюжет начала рассказа «Не первая любовь». Восторг. Обожание. Потом проходит много лет. И что помнится?

Были ее признания в любви. Я их воспринимал с восторгом не первой любви. Что-то неловкое было в наших отношениях. Однажды она призналась, что наши отношения сложились после того, как ее обидел муж.

– И что? – спросил. – Если...

– Если он так бы не поступил, то я не пришла к тебе.

«Вот, штучка», женщина посередине по Арцыбашеву. Ее чувства стали сплошной спе-сью, замешанные на одиночестве и разочарования. Я-то как обманулся. Поверил. Использо-ван и забыт. Не первая любовь...

17

Почему иногда ненавидят любовь как нежность, как страсть, как и страдание, может быть, потому что в любви нет любви, а есть фантазия.

Проходит время, и неслучайно уготована встреча с моим прошлым десять лет спустя.

Она поменяла имидж. Теперь у нее ларечный бизнес, и она приподняла свою планку учительницы. Кто откажется посмотреть, как живут по-новому. В ее лице так и остались черты детской обиженности на все и на всех.

Она падает на диван от усталости. Это у нее все болит. Позвоночник в хрящах. Немеют руки и ноги. Я поглаживаю её спину. Ей больно, она морщится даже от легкого прикосно-вения.

– Это возрастное, – замечаю ей.

- Спасибо, что напомнил, а то я забыла, – в тон иронично произносит она.
- У мужчин тоже бывает такое.
- И чем это проявляется?
- Обострением сексуальной активности.
- Кобелизм! Мне это понятно.
- Так это и есть мужской климакс.
- Почему у женщин, черт побери, все по-другому проявляется.

По радиоволне заиграла новая мелодия. Она вскакивает и делает звук громче и пританцовывает.

– Ты помнишь, когда я приехала из Швеции, то привезла кассету этой поп-группы. Я тебе подарила даже кассету.

- Не помню.
- Как жаль... – она замолкла, погрузившись в далекое воспоминание.
- Может, не мне?
- Что ты говоришь. Я ведь в тебя тогда была влюблена по уши.
- Я удивлен.
- Дурачок! Я ходила и подглядывала за тобой, когда ты возвращался с работы. Ты так нехотя возвращался домой. И не приходил ко мне.
- Наверно, так и было. Тогда меня ни на что не хватало.

18

Этот разговор был когда-то и где-то в баре.

- Скажи мне, что я красива.

Мне не хотелось ей это говорить, тем более о том, что она просила.

- Ну скажи?
- Ты красива, – наконец я сдаюсь перед ее настойчивостью и капризом, – но это твой недостаток.
- Почему?
- Во-первых, это не стандартно, где твои девяносто на шестьдесят на девяносто, что определило твою исключительность. И вообще, кто говорит, что ты красива?
- Мама.
- Для чего она тебе это твердит, только для того, чтобы зависить твою планку притязаний в этой жизни и ко мне...
- Ну и что, а мое тело красиво.
- Мы что, на уроке анатомии? И что делать с твоим телом?
- Обладать...
- А именно: трогать, осязать, переворачивать как детскую куклу. И это, конечно, будет для меня дорого стоить.
- Для тебя исключение.
- Но я люблю сначала похитить душу. Ценность твоя в твоей душе. Телесная красота творение недолговечное и довольно скоропортящееся. Меня охватывают порочные чувства как неконтролируемые фантазии. Я также боюсь, что этот вулкан вырвется черной лавой порока.
- Ты должен подумать и обо мне, что это может случиться и со мной и я могу быть с другим и в другом месте.
- Тогда ты разрушишь наши отношения. Предупреди, чтобы я не ревновал.
- Что если об этом я скажу, у тебя не будет ревности?

– К чему ревновать, если все станет очевидным. Это твоя тяга к развлечениям, удовольствиям и праздности. И я считаю, что это я могу пока тебе дать, и думаю, что дальше фантазий дело не пойдет.

Весь разговор напоминает грозу перед дождем. Я старше ее и опытнее. И понимаю, что пора остановиться, потому что мой скептицизм сейчас просто неуместен, и обнимаю и целую ее.

19

Двое в бистро.

– Они похожи на пельмени.

– Хинкали.

– Да, я знаю.

Его пальцы дрожали. Он вцепился за два стакана. В левой руке было полстакана воды, в правой руке сто граммов водки. По дрожи в правой руке можно было понять, что там водка. Он держал стаканы перед собой, они плясали как мотыльки перед лампой, наконец, он залпом выпил водки и запил одним глотком воды. Глаза его потеплели.

– Я хочу с кем-нибудь поговорить, – тихо произнес он.

Я почувствовал к нему не отвращение, а досаду. Я хотел сказать: парень ты опустился, ты выглядишь неряшливо, в чем дело. Он будто услышал мой вопрос.

– Я по образованию учитель, платили мало. Ушел в бизнес. Кооператив открыли, потом погорели.

Он выпил глоток воды. Я подумал, что он сейчас попросит в долг водки, но он молчал. Потом тихо сказал.

– Я хочу поговорить о пустяках. О своей жизни, о себе, но никто не хочет меня слушать.

Я подумал, что сейчас точно попросит в долг. Или я должен ему составить компанию.

В долг он не попросил. Я доел порцию хинкали. Он посмотрел на меня. Я показал ему жестом, что я желаю ему всего хорошего в этой жизни. Встал и пошел к выходу. Барменша проводила меня взглядом до выхода.

Я взошел на мост, перед мной было здание цирка, там, за ним, общипанный весенним ветром Летний сад. Тот бродяга шел следом за мной.

Я дождался его. Он подошел ко мне.

– Вы извините меня, что я со своими проблемами подсел к вам, как говорится, я появился не в том месте и не в то время. Простите меня. Мне уже легче. Я пойду домой, меня ждут жена, дочка. Прощайте.

Он пошел обратно в сторону кафе.

Будто так заведено, что наша жизнь проходит от встречи к встрече. Она когда-то была влюблена в меня. Но как только оказывался рядом ее бывший знакомый, художник, она вся менялась и делалась чужой. Художник рисовал нимфоманок, и они у него здорово получались, особенно в стиле ню. После этого я хотел научиться стоять на голове, потому что мой брат стоит на голове, и я ему в этом тоже завидую.

Она у меня в гостях. Что-то пытается вспомнить, потом говорит.

– У тебя перестановка в комнате.

– Я не люблю обсуждать эту тему, это все равно как женщине говорить, почему она сделала новую прическу. Все ясно, что кто-то просто меняет стиль жизни. И вопрос один – принимается это или нет.

– Скажи что-нибудь хорошее.

Я в паузе. В голове только одна мысль, но говорю нечто обратное.

– Давай почтим этот вопрос минутой молчания.

- Что ты делаешь сегодня?
- Ничего, мое тело отдыхает.
- Я была у доктора и пожаловалась на свою грацию, а он мне на ухо шепчет, что у меня остеохондроз.
- По части грации я могу сказать, что у тебя вышла по жизни неплохая трапеция.
- Хватит меня копытами топтать. Сегодня у жирафики родился жираф и он уже большой.
- Сядь прямо или встань прямо.
- Что я палка?
- Нет это такая поза.

Будто мир перевернулся. Она инициативнее меня. Она вызванивает меня. Встречает и уходит. Где мое мужское я, оно растворено в ее женской агрессии. И она первая от меня и ушла.

«Теперь не давай собой манипулировать. Скрутись в кусок полотенца, выжми все остатки своего безволия», – твержу я себе.

На что следует обратить в семейной жизни, это я говорю из опыта последних лет. Часто ли вас отправляют в магазин в выходной день, прихорашивается ли она в будний день.

Случайно ли она носит с собой дамский набор: косметичку, помаду, расческу, фен, полотенце и салфетки.

21

В пансионате люди испорчены счастьем. У ней в жесте, в мимике выражалась только ревность. Диалога не было. Только ее гнев. Но только тут я научился владеть собой, справляться со своим одиночеством в этой пустой праздности. Что значительно сложнее при житейских неприятностях.

Тут кто-то влюблялся, кто-то прощался. Черда влюбленных проходила под строгим медицинским контролем и данными электрокардиограммы. Вот такой был замечательный санаторий. Каждое утро – утро с физзарядки и душа.

Над лесом клубится августовский легкий пар.

Позади бессонница. И ночные комары. И вот солнечное утро. Это и жизнь и любовь. Короткая утренняя молитва. Потом путь к пирсу. Черная речка несет темные воды, переливаясь на середине всплесками. Тишина. Одиноким хруст под ногами ветки и хлопья крыльев ожиревших пансионных уток. Две драчливые вороны сцепились. Тощая и крикливая. Не обращая ни на кого внимания.

Порыв ветра и туча накрывает солнце. И дождь. Мельчит. Неудавших спрятаться под кронами дерева обливает ведром воды. Это постоянно августовское летне-осеннее состояние погоды над Черной речкой в семидесяти километрах от Петербурга.

В кафе. Она входит. Спортивна и стройна. Заказывает чашку кофе и мороженое. Садится напротив меня за столик. Она смотрит на меня и ждет мою первую фразу.

- Ты мой каприз!
- Ты мое искушение. Для меня это опасно.
- Ты все равно войдешь в эту темную комнату, после того как часы пробьют двенадцать.

Она молчит. Я продолжаю.

– Я каждый вечер вычеркиваю тебя из своей жизни. И вновь повторяется одно и то же. Ты рядом, и все плохое исчезает. Но в то же время ты разрушаешь меня. Я счастлив любовью, спокойствием. Теперь я боюсь потеряться.

Она на этом месте прерывает меня. И будто чеканит слова.

– Я презираю слабых, я уже одного бросила друга, потому что он тряпка. Я люблю только сильных.

22

Мне пришла мысль, что я нашел ту, которую искал. Это ужасно, когда тебе сорок лет, а ты опять думаешь о любви.

Это было новое роковое увлечение. Это были мои уснувшие когда-то фантазии, которые стали наяву. Мне не надо было ни искать или погружаться в наркотическое состояние, этот мир переживаний был со мной.

Она смотрела на меня почти детскими глазами какого-то удивления. Ее взгляд был похож на взгляд заставшего вас за каким-то неприличным интимным делом. Она как-то ненароком подглядывала за мной. Это наступило в такой момент, когда мои чувства, мои поцелуи, моя страсть угасли под ее пристальным взглядом. Все уходило как в песок. Безответно.

Чаще стало воцаряться молчание. Молчание стало походить на немоту чувств, приводя меня к обездвиженности и бесстрастности тела.

Что ищет любовник у женщины. Что ищет муж у жены. И чего не находят, так это страсти и соучастия и, конечно, солюбви.

Почему мне было с ней легко, да только потому, что я ее любил, а взамен она не давала мне ничего. Она тянулась ко мне с поцелуями, будто наркоман ищет свою стандартную дозу. Ее ломало. Но в чувствах она была по-прежнему нема. И эта-то немота сломила меня окончательно. Молодость лишена самооценки. В старости ее много, что и приводит стариков к насильственному плачу, но, увы, уже бесчувственно.

Отвечать за себя и особенно за других бывает самой трудной моей задачей. Склонность к самоанализу приводит к возникновению навязчивости.

Ей нравилось целоваться со мной на эскалаторе метро. На мое удивление она отвечала счастливой улыбкой, говоря, что ничего не может с собой поделать.

– Я теряю контроль над собой.

Когда-то я сделал ей непристойное предложение сексуального характера. На этот момент у каждого из нас была своя фантазия. Потом она все-таки произнесла с выдохом.

– Я боюсь!

– Чего ты боишься?

Она ничего не сказала в ответ, а погрузилась в свои мысли.

Прошел год. Я так и не мог разрешить этот ее ответ. Разговорился с сестрой на сексуальные темы. Она говорила о своем новом друге. И она тоже произнесла это заколдованное слово: «Я боюсь».

– Так что значит в твоём понимании – это я боюсь.

– Я боюсь, что мне это понравится, а ему нет. Или понравится больше, чем мне.

– И середины тут нет.

23

Опять и опять я возвращаюсь мысленно к ней. Позвонить? Сам себе отвечаю, что лучше нет. Я живу теми ощущениями, которые навеивают мне воспоминания.

Что я вспоминаю? Все, что приходит в голову. Неизвестно, что и как. Вдруг в свете дня вспоминаю ее улыбку. В метро я чувствую запах ее тела, вкус ее губ. Прогуливаясь по парку, когда под ногами шуршит опавший желтый лист. Нашу поездку за город.

Настоящее на грани прошлого и будущего. Прошлое понятно, и это понятное ушло, и его не вернешь, а где тут будущее, то, чего у нас не будет, а оно, оказывается, живет в настоящем. Я своим настоящим состоянием опередил будущее.

Когда остаюсь, она как наваждение появляется во мне. Она в последнее время говорила, что я ее не понимаю и что я должен изменить свое отношение. Я ее дразнил, а что, если не изменю. Тогда что? Это было перед нашей размолвкой. Моей победы тут не было.

В нашем учреждении один мечтатель, когда произносил, это гениально, это открытие, и тут же успокаивался, сожалея, что его идея так и останется не востребованной.

Человек должен уметь брать под уздцы ум и желания, а воля должна следовать за этими идолами.

Ее не было рядом. Но она была в моем подсознании. Ее не было теперь в моей жизни. А она все равно продолжала жить и постоянно присутствовать при мне. Да, именно так продолжала жить со мной и думать, как я, и мечтать, как я, менять ход моих мыслей, мое настроение. И я начинал с ней спорить, даже любить и ненавидеть. Как когда-то было, может, год назад. Я ее, конечно, больше любил.

Что я хотел от нее? Она по отношению ко мне просто еще ребенок.

Позвонить ей, сбежавшей от меня, которая еще год назад была рабой любви. В нашем настоящем жило прошлое, от того и была тоска. И депрессия. Человек еще властен в будущем, но отнюдь не над прошлым, которое принадлежит не только одному, но и другому.

24

Когда ты не один, твои мысли направлены на другого. Идет работа над собой, выравнивая не самого себя, так называемое сглаживание углов своей личности. Тогда не наступает самопоглощения.

Что думает человек в одиночестве. Он погружается в психоанализ. В этом случае, как шахтер, все глубже забираешься в подсознание. И что это все дает, по Фрейду это считали поиск собственного Я, но тут, как шахтер, находишь новый уголек, который усиливает огонь твоего стресса, порой дает возможность найти выход в другом. И оставляет одни головешки, как при большом пожаре. Надо быть осторожными в психоанализе. И не нужно копаться в себе.

С творческих позиций такое самоуглубление не так губительно, как проснуться в комнате без мебели.

Если самодостаточен, то следует сказать, что я контролирую себя и не даю себя разрушить психоанализу до тоски.

Встреча и снова расставание. Мы учимся понимать друг друга, привыкая к привычкам, к чувствам.

При расставании она сказала мне, что я ее многому научил. Это познать себя, но не познать меня. Я остался для нее темной комнатой, в которой она вслепую натыкалась на предметы.

У нас была разница в возрасте. Ее психоанализ был в рамках ее возраста, ее желаний. Желание иметь ребенка. Это самовыражение молодости. Это эволюционное программирование. Библейский Лот и тот был обманут дочерьми ради продолжения рода человеческого. Самодостаточность моего возраста не имела смысла удерживать ее около себя.

Ее уход был для меня жертвой. Эта жертва стала моим одиночеством. Она желала, чтобы я любил. И я ее любил. Но было два «но». Она любила, так как ей было двадцать пять лет. Я ее любил, так как мне было сорок. Наши отношения были в ритме джаза; каждый танцевал свой танец.

Ее уход был как электрический разряд. Я перестал ощущать запах волос, вкус губ. Я искал среди многих снова ее или похожую на нее и не нашел. Я простился с ней навсегда, пройдя через одиночество и депрессию. День за днем, и болезненные ощущения ушли. Не навсегда, но они перестали приходить сначала наяву, а потом во сне.

Часть II

Неизбежное

Это было двадцать лет назад. И наверное, было не со мной. Но это было.

Виктор весь свой полет на пассажирском самолете проспал. Самолет, сделав разворот над ночным городом, пошел на снижение.

Виктор почувствовал тупую боль в затылке и как тело вдавилось в кресло. И только когда колеса самолета коснулись бетонной полосы аэродрома, он почувствовал, что боль в голове исчезла.

Спускаясь по трапу, вдохнув теплый воздух, он повеселел и даже пошутил со стюардессой.

Позади под крылом самолета были три тысячи километров. Самолет прибыл без опоздания, а это необычное явление в период летней жары.

Виктор глянул на часы – было одиннадцать часов десять минут вечера. Он пошел к телефону-автомату, опустил две копейки, набрал домашний номер телефона. В ответ неслось продолжительные гудки, к телефону никто не подходил.

Виктор повесил трубку, и автомат проглотил монетку. Он шлепнул по толстой спинке автомата. Снова опустил две копейки и набрал номер. У него пронеслась первая навязчивая мысль, неужели они уехали на дачу в четверг, без него, а не в пятницу как обычно.

Телефон молчал. Он осторожно повесил трубку, попридержал монету, чтобы автомат ее не проглотил.

Позвонил соседу Валентину.

– Алло? – ответил мужской голос.

– Алло. Это я! – не называя себя, произнес Виктор.

– Привет, – сразу узнав по голосу, ответил Валентин.

– Слушай, я только что из командировки прилетел, еще в аэропорту. Ты не знаешь, где наши?

– На дачу уехали вечером.

Тут передали по селектору, что подали багаж, и просили пассажиров пройти во второй зал.

– Слушай, здесь багаж поступил, я пойду получу, после перезвоню.

– Валяй, старина.

Получив багаж, Виктор снова подошел к телефону-автомату, набрал номер. В ответ неслись длинные гудки.

Он посмотрел на время – одиннадцать часов тридцать минут. Позвонил в справочное вокзала, где ответили, что последняя электричка уже уехала.

Виктор сел на чемодан, огляделся. В ночном аэропорту было оживленнее, чем на базаре. Ему стало грустно и обидно. Подумал, что надо было дать телеграмму, а не дал, потому что хотел сделать приятный сюрприз. Теперь отдыхай в аэропорту на диване. Ключа от квартиры не было, когда он уезжал в командировку, то оставил его в столе своего кабинета. Он достал записную книжку. Полистал странички. Глаза остановились на номере Светланы Петровны. Сунул руку в карман – мелочи не было. По размеру входила десятикопеечная монета, и он опустил ее.

Ответил мягкий женский голос:

– Слушаю.

– Это я! – опять не представляясь, сказал Виктор.

– Привет. Сколько зим...

– Сколько лет... Представляешь, Света, – начал Виктор, – прилетел на лайнере, отмахал три тысячи километров...

– Прямо так и три тысячи, – шутливо подзадорил ее голос.

– Не меньше. Мои на даче. Ключей нет. Как инопланетянин, прилетел и не знаю, что делать.

– Ты не шутишь? – тихо спросила она.

– Какие шутки! Сиж на чемодане, послушай, – и он трубку направил в зал.

– Да-а, – протянула она, – приезжай ко мне.

– Серьезно, а не поздно?

– Не ночевать же тебе на улице. В гостиницу тебя, как местного жителя, не пустят. Не поверят. Примут за человека без определенного места жительства.

– Аргументировано убедительно. С вашего позволения, чемоданы сдам в камеру хранения, потом заберу.

Он сел в такси и поехал по ночному городу.

Виктор по характеру мягкий, порой безвольный или упрямый молодой человек.

Когда-то давным-давно, в семнадцать лет, родители дали ему денег на черный день и отпустили со слезами на глазах в большой город.

Виктор скоро добрался до большого города, за пять часов на самолете. И очень этому удивился. Он пересек бескрайний простор, но под крылом самолета увидел только облака.

Вступительные экзамены в институт с первого захода он провалил. Его девиз был: «Со щитом или на щите». Он впервые за семнадцать заплакал от бессилия. Но решил, что уедет, когда поступит в институт. Сдаст вступительные экзамены, а после зачисления заберет документы и уедет навсегда из проклятого большого города.

Так он думал до того, как устроился на работу дворником.

Жил он в общежитии, которое находилось в старом доме. Сколько было квадратных метров в узкой комнате, Виктор не считал. Но в комнате на троих уместились кое-как три кровати, три тумбочки, старый шкаф и обшарпанный стол. Все остальное было развешано по стенам: полки с книгами, проигрыватель и прочие безделушки. Кровать у окна справа принадлежала студенту Валентину Сагину, слева – вечному абитуриенту Юрочке, а третья – для транзитных пассажиров. Их обычно не помнили. Вряд ли запомнили и его жильцы длинного коридора. Он под тяжестью стен чувствовал себя маленьким и ничтожным человечком. Усталый после работы, он возвращался по этому коридору, проходя под тяжелыми сводами. Только одна мысль изводила его – чтобы вырваться поскорее из этого подземелья. «Что я ищу вдали от дома? Зачем я покинул родной дом? Зачем?» – думал он, но, стиснув зубы, шел по этому коридору. Он по-своему сопротивлялся – читал, писал, снова читал. Перед глазами стояли кровать, шкаф, снова кровать, стол и снова кровать.

На следующий год он все-таки поступил в институт. Но документы не забрал, а решил окунуться в студенческую жизнь. Зашел в комнату попрощаться. Валентина в этот день не было. Юра лежал, завернувшись в халат. В последний раз он оглядывал все тот же интерьер.

– Который час? – спросил Юра для того, чтобы что-то сказать.

– Двенадцать, – ответил Виктор, для того, чтобы что-то ответить.

– Ты уходишь? – спросил он из вежливости.

– Да, – кивнул он головой на свой небольшой походный чемодан.

– Заходи, – перевернувшись на другой бок, произнес он.

Сколько дней Виктор ждал этой перемены, но так устал, что когда наступил момент радоваться, у него не было на это сил.

Каждый бесцельно прожитый день он оправдывал тем, что самое лучшее ожидает его впереди, что жить он только начинает.

Он вышел в ненастную погоду и долго бродил по старым улицам Петроградской стороны. Они не принадлежали резцу Кваренги, Трезини, Растрелли. И здесь не были Блок, Достоевский, Пушкин. Но здесь Виктор находил себе утешение. Он поражался обманчивости внешних фасадов роскошных домов. Он год жил в доме с черной лестницей, выходящей в колодец двора.

Осенняя невиская ночь. Холодный мокрый ветер подметал кривую улочку, сгребая в ком зеленые обмороженные листья, бумагу, окурки, разбрасывая их по асфальту.

Однажды Виктор был с Валентином, который и предложил отметить поступление в институт. У Виктора было ощущение просоночного состояния. Как и во всяком сне, картины сменяли друг друга лихорадочно, наполняя мир волнением, грустью и веселостью. Только он не знал, снится это ему или происходит наяву. И что вот никто не догадывается о его земном присутствии.

– Проснись, мой друг, от грез! Твоя бледно-розовая мечта воплотилась в жизнь. – Валентин потащил его за руку к историческому месту, где от главного корпуса института находятся фонарные столбы когда-то с газовыми горелками. Их давно никто не зажигает. Сагин подставил спину, и Виктор влез на столб.

– Зажигай свечку! – скомандовал Сагин.

– Может, не надо, – отговаривает его Виктор.

– Как не надо. Подумай, чудак! Ты ставишь свечку не господе Богу в церкви, а в храме науки. Святое дело. Нам только и осталось верить в человеческий разум.

Сагин уперся руками в столб, который чудом уцелел, неся на себе отпечатки смутных времен.

У Виктора руки зябнут от мелкого морсящего дождя.

– Ты скоро там? – из-под ног доносится умоляющий голос Валентина.

– Огонь задувает ветром, – стонет озябший Виктор.

Наконец символический огонь свечки замерцал над столбом.

Валентин непоседа: срывается с места и сигналиит рукой такси.

– Слушай, мастер, бутылочку не продашь?

– Алкоголик, что ли? – надвинув кепи на широкий лоб, ощупывая глазами ночного клиента, бормочет таксист.

– Событие отмечаем. Ну, мастер, сделай милое дело, – не отступает от него Сагин.

– Уже нет. Но если попытаться, – произносит он неопределенно. – Смотримся в таксопарк. – Таксист кивает головой на заднее сиденье.

– Поехали по ночному городу. Заверяю, что это зрелище лучше всякого восхода солнца.

– Куда поедет, Валентин? – спросил Виктор.

– К друзьям. Разгоним грусть-тоску. Отпразднуем наше событие.

– А вдруг там забыли тебя.

– Не должны. И не такой уж я, чтобы меня забыть, – он потряхнул своими кудрями и запел романс.

Новый микрорайон. Многоэтажные дома, как братья-близнецы, обступили их. После уютного салона такси они быстро продрогли от холода.

– Дом-то помнишь? – спросил Виктор.

– Дом помню. Вроде бы этот. Понастроили коробки, что в темноте и не разберешь. Не расстраивайся, найдем, – успокоил он, когда они вошли в подъезд.

Поднялись на третий этаж и встали напротив двери. Сагин решительно нажал на кнопку звонка. Первый длинный, второй короткий. Наконец щелкнул замок двери. Валентин галантно расплывается в улыбке. Приоткрывается дверь, и перед глазами картина: мужчина в пижамных штанах, за ним жена с колотушкой.

У Виктора к горлу подкатывается комок.

– Здравствуйте, – он им.
– Доброй ночи, – они ему.
– Извините за беспокойство. – Пустяки, – с иронией замечает мужчина, – всего два часа ночи.

– Но так получилось. У нас событие такое важное.
– Кстати, на Курилах уже день, – вступает в разговор Валентин.
– Короче, молодой человек, – обрывает Сагина мужчина в пижамных штанах.
– Вы нам не грубите, – защищая свои права, отвечает Валентин. – Нам нужна Светлана Петровна.

– Милицию надо вызвать. Хулиганы какие-то, – тут в разговор вмешивается женщина.
– Гражданка, не грубите. Я вам ничего плохого не сделал.
– Эта девица, которую вы спрашиваете, здесь не проживает. Дверь захлопывается перед ними.

Виктор облегченно вздыхает. Как вдруг Валентин снова нажимает на кнопку звонка.
– А где она живет? – кричит он им через закрытую дверь.
– Сейчас милиция приедет и отвезет прямо к ней, – отвечает раздраженный женский голос по ту сторону двери.

Виктор берет за руку Сагина и уводит от злосчастной двери.
– Слушай, – продолжает Сагин, – дом этот – точно. А как квартиру перепутал – это мне непонятно.

– Давай уносить ноги, – заметил Виктор.
– Уж теперь-то нет. Стоп! Вот эта дверь! Виктор не слушает его и спускается вниз. Останавливается этажом ниже в ожидании Сагина. Через минуту радостный крик.

– Витька! Иди сюда. Дома она.
– Сколько лет, сколько зим. Не забыл. Удивительно. Ты как всегда, Сагин, в спортивной форме, – весело говорит она.
– Я?! – Сагин изображает на лице удивление. – Никогда не забываю. Тех кого люблю, я помню. Я с другом, знакомься.

Они на цыпочках вошли в коридор, стараясь не шуметь.
Это была двухкомнатная квартира, одну из комнат занимала она.
Ее комната теплая и уютная, где были диван, сервант, телевизор, магнитофон, коврик на полу, журнальный столик и два кресла.

Зажигается бра, и звучит музыка. Виктор ощутил приятную усталость во всем теле. Он быстро заснул в кресле. Его как ребенка переложили на диван. Валентин и Света всю ночь проговорили за чашкой кофе.

Утром они все трое на трамвае поехали в институт, не чувствуя усталости.
Так случайно перекрестились их дороги жизни. Они стали друзьями и всегда по-дружески поддерживали друг друга, несмотря на то, что у каждого была своя судьба.

Лет десять прошло с той бесшабашной поры.

И вот сейчас он спокойно, без волнения раздумывал о себе, переезжая город с юга на север. Когда-то он увидел впервые освещенный миллионами огней город, который никак не мог даже представить в воображении. Его поразили богатство и блеск реклам магазинов, бесконечная суeta большого города. Именно сюда он устремился вместе с искателями приключений в поисках своего счастья. Несмышленные, не знающие жизни молодые люди вливаются в бурлящий поток города, где смешиваются и растворяются навсегда в толпе.

Очень скоро по приезде в город у Виктора восторг сменился ностальгией. Почему он не уехал? А как хрупкий челнок, который борется со штормом, так и он жил в большом городе. Может, сейчас труднее жить, чем когда стихийные бедствия, войны, потому что трудности

выявляют плохое и хорошее, но отсевают плохие качества, выкристаллизовывая сильные достоинства человека. А в легкой жизни выплескиваются наружу зачастую мелкие, дрянные человеческие качества, порой превращая личность в мещанина и обывателя.

Машина остановилась у подъезда. Из такси вылез грузный мужчина сорока лет. Виктор Павлович посмотрел вверх на девятиэтажный дом. «Меня никто не ждет. Я свободен. Только на что она мне, такая свобода? Или бросить все и бежать из этого города. Зачем? А друзья?

Я не один, но я одинок. Вокруг мир, который иногда непонятен мне с неоновыми огнями, машинами, голосами людей – многоликой речью цивилизации. А это еще не одиночество. Я опутан невидимыми нитями этого мира. И мне из него не вырваться».

Виктор почувствовал снова распирающую боль в голове. Была тихая, безветренная ночь. Он стоял перед домом и всматривался в зажженные огни чужого окна.

Их взгляды встретились. Она помахала ему рукой, и он вошел в подъезд.

В его записной книжке напротив ее домашнего телефона было дописано ее рукой – мелким ровным почерком: «Очень жду».

Он медленно переступал по ступенькам. От усталости он невольно подумал.

«Хочу тишины. Покоя. Ласку заботливых рук. Хочу, чтобы они ласкали и оберегали меня. Я хочу найти защиту у женщины от тоскливого одиночества».

Тут только ему пришло в голову взглянуть на часы. Стрелка часов успела перешагнуть за полночь.

Не успел он подойти к двери, она открылась, а на пороге стояла Света. Ее время щадило, почти не прибавило ни одной морщины. Он переступил порог и попал в объятия ее рук.

– Я стояла у окна и ждала. Кирюшку уложила спать. Он хотел тебя видеть.

– Покажи мне его, – улыбнувшись по-детски, попросил Виктор. В детской комнате, свернувшись калачиком в кровати, безмятежно он спал с книжкой «Теремок».

– Без нее он не может заснуть, – шепчет она ему.

– Тебе тяжело? С мужем все в ссоре?

Она молчит в ответ. Потом, опустив голову, так что он видит только ее глаза.

– Не будем говорить на эту тему. Пойдем на кухню, я тебя накормлю.

– Есть я не хочу. Я сыт, – вежливо отнекивается Виктор.

– Нет, пойдем. Я для тебя готовила. Я тебя ждала. Рассказывай все-все. Что делал? Что думал? – она преданно смотрит ему в глаза, беря в свои ладони его руки.

– Разве тебе это будет интересно? – спросил ее он.

– Ты демон, который никогда не находит себе покоя, – она ведет пальчиком по извилинам ладони.

– Откуда ты это знаешь?

– Знаю. У меня бабка была деревенской гадалкой.

– Мне было так плохо. Настроение, мысли – все в каком-то беспорядке. И покоя никак не обрету, это ты верно заметила.

– Я хочу, чтобы ты был счастлив, – опустив голову, произносит она. – Я говорю тебе, потому что ты мне друг.

– Не надо говорить об этом. Давай жить настоящим, не думать о завтрашнем. Я боялся, что тебя не застану дома, – почему-то солгал он ей.

– Глупый! Я знала, что ты приедешь.

– Ты не представляешь, как ты мне нужна. Без тебя одиноко, – и он уже сам верил тому, что говорил ей.

– А мне без тебя. Подойди к окну, смотри, сколько звезд, и никто не знает, что мы с тобой вместе, а звезды видят.

– Я без тебя скучаю, – шепнул он.

– Это от лукавого! Сколько раз ты говорил это другим? Сознавайся, – она повалила его в кресло.

– Не знаю, раньше я произносил эти слова с легкостью. А теперь это делаю с трудом.

Она закрыла ладонью ему рот. Он подумал, что ему никогда не было и не будет так хорошо, как сейчас. Ее губы мягко прикасались к глазам, щеке, шее. Слезы предательски выступили на глазах. «Хорошо, что в полумраке не видна эта сентиментальная грусть», – подумал он.

Они сидели на кухне и долго болтали, не чувствуя усталости.

– Это сон? – с этими словами он подсел к ней.

– Наверное, это сон, – и она крепко прижалась к нему.

– Ты снова спешишь, – сказала она с упреком. Подожди, я приготовлю тебе на дорогу завтрак.

– Может, не надо? – шепотом произнес он.

– Я тебя прошу, – шепотом ответила она.

На столе стояли открытая бутылка коньяка, две кофейные чашки и бутерброды.

– Как ты живешь с женой? – серьезно спросила она.

– Там все в порядке. Жена, ребенок, семья, – уверенно произнес он.

– Ты знаешь, у них с Валентином был роман?

– Ты придумываешь из ревности, – резко ответил он ей.

– Я думала, ты знал. Они ездили в Прибалтику. Потом он ее оставил. Валентин очень расстроился, когда она вышла за тебя замуж.

Виктор почувствовал снова головную боль. Он улыбнулся мучительно грустно.

– Не надо об этом говорить. Не хочу, – сухо проговорил он.

От нанесенной смутной тревоги он поцеловал машинально ее губы. Ощутил знакомый запах волос, они излучали цветочный аромат весны.

Виктора охватило ощущение восторга, которое он никогда ранее не испытывал. С его языка готово было сорваться грубое слово, но губы оставались беззвучны.

Светлеет. Он замечает, что кругом чужие вещи и что он здесь чужой.

– Ты жалеешь меня? – спрашивает он тихо.

– Ни о чем не спрашивай, а то я наговорю глупостей, – умоляет она его.

– Меня гнетет одно, будто я тебя у кого-то краду.

– Раньше ты так не говорил, – она немного помолчала и продолжала: – Ты тут ни при чем. У нас с мужем был разрыв по другой причине. Он ушел к другой, которую вдруг полюбил. А сейчас он хочет вернуться ко мне навсегда. Я ему не могу этого запретить. Выплакано достаточно слез. Я благодарна тебе за то, что ты меня поддерживал в трудную минуту.

– Я не знаю, что я для тебя – счастье или горе.

– И то и другое. Но ты мне нужен как друг. Что бы ни случилось, ты мой друг.

– Ты так говоришь, будто со мной прощаешься.

Она вдруг обняла и прижалась к нему.

– Не знаю, но сердце полно дурных предчувствий.

– Глупое сердце, – он погладил ее по щеке.

– Ты самый лучший на свете, – шепнули ее губы.

– А может, ты выдумала меня.

– Нет. Но я хочу, чтобы ты был счастлив.

– Я счастлив, разве ты не видишь?

– Вижу. Не перебивай. Я еще не все сказала. Ты должен уметь любить и уметь прощать. Это азбука в семейной жизни. Я не всегда была такая, – усмехнулась она. – Сначала мы выскакиваем замуж, не зная, даже не предполагая, что такое своя семья. В чем семейное счастье. Знаем только права, забывая об обязанностях. В семейном конфликте виноваты

всегда оба – и муж, и жена. Наверно, все приходит с годами. Именно с годами начинаешь понимать, что тебе нужно. Я иногда сама себя не понимала. Развелась, а что дальше? Ревела днями и поняла, мне нужен муж, а ребенку – отец. Принести в жертву своей любви счастье ребенка я не могу. Это большое преступление. Он слишком взрослый, чтобы не понять, где свой, а где чужой. Это говорит во мне материнский инстинкт, идти против него я не вправе.

Виктор пошел одеваться в переднюю комнату.

– Мама, – на голос ребенка она быстро прошла в детскую.

Виктор осматривает ее домашний уголок и с некоторым удивлением замечает, что у нее довольно уютно, несмотря на то, что другая мебель: стенка, телевизор, тахта. Эти вещи несут в себе знакомый привычный современный ритм жизни, но он в нем чужой.

Она вернулась из детской комнаты.

– Он во сне меня звал. Еще спит.

– Я пойду, – с грустью произносит он.

– Ты еще можешь побыть, он еще не скоро проснется, – взгляд ее немного погас.

– Спасибо. Я пойду.

Возвращаться сюда – это значит обманывать и ее, и самого себя.

– Я всегда думаю, когда ты уходишь, что ты больше не придешь. Виктор смотрит и будто впервые видит ее глаза. У нее чистые и нежные глаза, которых только чуть-чуть коснулась грусть.

– Ты знай одно, что у тебя есть друг. Пусть я легкомысленный, но другом я могу быть серьезным.

Он посмотрел на ее лицо.

– Морщинки ищешь? – устало улыбаясь, говорит она.

– Откуда они у тебя, ты еще молода, – вяло утешает он ее.

– Льстишь. Но я сама себя лучше знаю.

– Ты давным-давно вошла в мою жизнь, и я не вижу в тебе перемен и старости. Я ничего не хочу менять в наших отношениях. Пусть пройдут дни, годы, но в трудную минуту я хотел бы быть рядом с тобой.

– А если мне всегда трудно, – усмехнулась она.

– А постоянным я не могу быть. Остыл, понимаешь, вдруг ко всему. Надоело пить, гулять, терять свою жизнь без оглядки. Я думал, что моя жизнь будет долгой, а вот, оказывается, и нет, сердцу вот дано столько-то отстучать, и больше оно биться не будет, хоть кардиостимулятор вешай на него, не будет. Семья, потом работа – вот мой девиз. Мужчин вы не умеете удерживать подле себя. Если вы требуете внимания от нас, то и мы требуем взамен не меньше. У вас от природы сильнее развиты женские начала – доброта, ласковость, нежность. Даже эти слова и то женского рода. Мужчины – самые слабые существа, которые всегда тянутся к доброте и ласке.

Он поцеловал ее ладонь и вышел из квартиры.

Когда он собирался завернуть к трамвайной остановке за угол дома, оглянувшись, увидел ее. Но он не видел ее слез. Он помахал ей в ответ рукой.

Виктор сел в электричку от Витебского вокзала. В восемь сорок пять минут поезд отъехал от перрона.

За окном полил холодный дождь. Люди прятались под зонтики. И чем он дальше отъезжал, от города, тем меньше вспоминал о Свете. Через час он перестал вспоминать о ней. Она осталась там, в городе.

И чем ближе он подъезжал к даче, тем сильнее становилась головная боль и чаще подташнивало.

Он вспомнил свою первую встречу с женой. Их познакомил Валентин. Потом Валентин уехал в командировку. Она случайно зашла к ним на квартиру, которую они вместе снимали. Приятный сюрприз они преподнесли Валентину, когда сказали, что подали заявление в ЗАГС. В общем, Виктор Павлович к сорока годам был доволен своей жизнью. Жена, ребенок, работа. Он стал копаться в воспоминаниях, чего не делал ранее никогда.

Поезд медленно катил по железной дороге. Утренний туман быстро таял, и вдалеке показался вокзал.

Виктор сошел на платформу перрона, пересек площадь и вошел в тенистый парк. Он глубоко вдохнул прохладный сосновый воздух. Виктор почувствовал прилив сил, напевая мотив походной песни, зашагал по тропинке.

Прогулка по парку избавила от навязчивых мыслей, и он уже перенесся в завтрашний день, не успев прожить сегодняшний.

Виктор прошлым не мог долго жить. Соседи его считали мечтателем, домашние – непрактичным человеком, друзья – увлекающимся, а себя он считал потерянным неудачником.

Между соснами он увидел дачи. Было тихо и сонно вокруг.

Летом дачники подолгу отсыпаются. Все делают не спеша, будто они весь век прожили здесь и не знают городской суеты.

Он подошел к дому, поставил портфель с подарками на ступеньку крыльца и вошел в кухню. Там он столкнулся с Аллой Алексеевной. Она и теща, она и бабушка, она и глава семейства. Она по природе была добрый и суетливый человек.

– Вот и я! – расплылся в улыбке Виктор.

– Тише! Разбудишь всех, пусть поспят, ждали тебя еще вчера, а ты чего не приехал, – ворчливо произнесла она.

– Кто-нибудь был? – вяло произнес он.

– Не знаю, я была с ребенком, – неопределенно сказала она и вышла развешивать белье в сад.

Он вышел следом за ней. Солнце припекало, он снял рубашку и сел в кресло под яблоней, закрыв глаза.

– Есть будешь? – спросила теща.

– Подожду, когда все встанут, – откликнулся он.

Он попытался расслабиться. Он подумал, как хорошо вот так забыться и чувствовать, как тепло растекается по всему телу. Ничто и нигде не болит. Нет никаких проблем. Чувствовать, как тело наливается приятной тяжестью. Тяжелеют веки, руки, ноги, все тело. Хорошо и приятно. И ничто не волнует.

– Опять аутогенной тренировкой занялся, лучше помог бы маме, – звонкий насмешливый голос жены прервал его отдых.

Он отрыв глаза и увидел ее красивой и юной. Он схватил ее за руку, привлек к себе и попытался поцеловать в лицо. Его губы коснулись теплой щеки, и она ловко увернулась от второго поцелуя.

– Хватит, что за нежности, дай я посижу позагораю, ты занял мое место, – нетерпеливо произнесла она, – я так устала за эту неделю с ребенком, что плохо стала выглядеть.

В ее голосе он слышал кокетливые нотки, чего раньше за ней не замечал.

– Я нахожу обратное, ты мне такой больше нравишься.

– Ты еще не все, – иронично произнесла она.

– Я готов защищать свое мнение, – он подхватил ее на руки и усадил в кресло. – Отдыхайте, княгиня.

– В дом пока не ходи, а то разбудишь ребенка.

В этот момент они слышали голос Димки.

– Вот идиллия и кончилась, начинается трудовой день, – она закрыла глаза, окунувшись в солнечные лучи.

Он прошел в дом. Ребенок, увидев его, подбежал и нежно прижался к нему. Виктор подышал на тонкую кожу шеи, чем вызвал смех у Димки.

– А я тебе подарки привез.

– А мне вчера дядя Валентин самолет подарил, – выпалил малыш.

– А что, он был вчера? – спросил Виктор.

– Был да уехал сразу к себе на дачу. Больше ничего не знаю, – ответила в тон Алла Алексеевна.

– Чуть что, никто ничего не знает, – пробубнил Виктор.

Он развернул свертки, и Димка потащил сладости и игрушки в рот.

– Не надо давать ребенку сладкое, перебивать аппетит, у него режим, – она подхватила внука на руки и понесла к столу.

Виктор взял другой сверток и понес жене.

– Ты привез то, что я просила, – просияла она, – а это так приятно.

– Получать всегда приятно, чем делать.

– Что ты говоришь, разве тебе не приятно делать мне подарки?

– Приятно, дорогая, – с раздражением в голосе произнес он.

– Ты жадный! Тебе всегда жалко для жены. Другие мужья делают и подороже подарки.

– Другие жены тоже в долгу не остаются.

Они замолчали. Каждый почувствовал, что разговор скатывается к ссоре.

– Опять разговор сводится к вечной проблеме семьи и брака, – миролюбиво улыбнулся он.

– Не надо было жениться, и не было бы никаких проблем.

– Тебе всегда чего-то не хватает.

– От тебя мне ничего не надо, оставь меня только в покое.

– Кто знал, что так у нас сложится жизнь.

– Ты был не мальчик, когда женился, созрел быть мужем и отцом.

– Извини, но я чувствую себя почему-то маленьким.

– Покажись психиатру в таком случае. Пустой мечтатель. Витаешь где-то в облаках, спустишься на землю.

Тут появилась теща и позвала завтракать.

– Не ссорьтесь, идите завтракать, пока Димка на свободе.

Сели за стол. Виктор лениво ел гренки с чаем.

– Мам, посмотри, да он сыт, – подзуживала жена.

– Не приставай к нему. Лучше погуляйте после завтрака по городку.

– Ладно. После завтрака мы пойдем гулять, – решила Надя.

У Виктора в голове вертелись назойливые мысли: «Не знаю, чем оно продиктовало, может, даже ревностью, что я в ней вижу только пороки?»

Ее изнеженные пальчики, которые никогда не шили и не стирали.

Губы? Верхняя тоненькая и злая, нижняя – толстая и плотоядная.

Глаза? Они выразительные, чуточку навывкате, но в них меньше стало искренней радости.

Бывает ведь такое, что для того, чтобы узнать человека, надо прожить с одной вечность, а с другой – хватит и часа. Мне понадобилось десять лет».

Надю раздражали в мужчинах слабости. Она категорично требовала избавления от всех привычек. Послушность мужа сначала ее умиляла, а потом она заметила, что он просто

мужчина-тряпка. Но она была готова принести себя в жертву и продолжала перекраивать его на свой лад.

Они шли по парку. Он схватил ее за руку и побежал вперед, увлекая ее за собой. От быстрого бега кожа лица ее зарозовела, в глазах рассыпались веселые искорки, она подставила свои губы. Он поцеловал ее несколько раз, а она спокойно подставляла лоб, шею, губы, нос, глаза. Губы его ощущали тепло и тонкий аромат ее кожи.

Потом они взялись за руки, пошли в глубь парка, Виктор экспромтом произнес стихи.

Постарел. Поседел. Поглупел.
Мне и не понять твой вкус поцелуя.
Мне не разглядеть чужого счастья.
Неужели я так постарел, поглупел.

Он шепотом проговорил эти слова под шелест лип, и почему-то ему стало тоскливо от осенившей мысли, что проявления его чувств есть не что иное, как продолжение вчерашнего разговора.

Она ловко выскользнула из его объятий.

– Давай только без белых стихов. Не хочу слышать. И не порти мне настроение.

– Мне так грустно, – сдавленным голосом произнес Виктор.

– Несмотря на твои интермедии.

– Ответь, а я что-нибудь в твоей жизни значу.

– Ты? – она обернулась к нему и увидела его растерянные глаза. – Ты – часть смысла моей жизни.

– Честно!

– У тебя сомнения? – вальяжно улыбнулась она.

– Я серьезно. Если по большому счету. Мне плохо без тебя.

Они проходили около цветочницы. Виктор, купив розу, протянул ей, и она, опустив носик в цветок, вдохнула аромат.

– До свадьбы ты каждый день приносил цветы. Как это было давно. Цветы – вестники глубоких чувств. Они напоминают, что существует любовь.

– Да? – протянул он. – Не знал, что так мало нужно для счастья. Остальное, конечно, мелочи жизни. Сейчас никто не говорит, что с милым и рай в шалаше. Ты в душе леди, которой нужен комфорт и букетики в хрустальной вазе, – с иронией произнес он.

– Тяжелый ты человек.

Он не заметил, как они подошли к галантерейному магазинчику.

– Я зайду на минутку.

– Хоть на полчаса, – буркнул он в ответ.

Он поднял голову и увидел, как кучевые облака играли в чехарду, предвещая дождь. Она скоро вышла из магазина.

– Зайдем в кафе, – предложил он, чтобы развеять скуку прогулки.

Зал был пуст. Они заказали мороженое и минеральную воду.

– Помнишь, – начала она, – шел проливной дождь, и мы, промокшие, забежали в кафе и весь вечер просидели там. Никого не было. Только мы.

– И сейчас вокруг нас никого нет, – заметил он.

– Тогда было другое настроение.

– Можно подумать, что ты счастлива только прошлым. Разве ты хотела бы изменить судьбу?

– В целом – нет, но я устала от однообразия.

– Хочешь, мы куда-нибудь поедem? – предложил он.

– От себя не уедешь.

Отпив глоток воды, она отодвинула стакан.

– Пошли домой. Дождь собирается. И гости должны приехать вечером. Нужно помочь маме.

Дождь действительно застал на середине пути, и они, взявшись за руки, побежали домой.

Вечером собрались гости. Последним приехал Сагин с женой. Сели за стол. Традиционно произнесли тосты. Потом вспоминали студенческие анекдоты.

Виктор посмотрел на Сагина и вспомнил случай, когда он сдал очередной зачет. Преподаватель похвалила его за успехи в учебе и что-то спросила о его планах на будущее.

– Женюсь, когда стану профессором, – в запальчивости ответил он.

– Значит, ты никогда не женишься, – рассмеялись ему в ответ ребята.

Он женился сразу после окончания института. Сейчас он работал младшим научным сотрудником. Занимался наукой.

Заиграла музыка. Стали танцевать танго. Виктора пригласила на танец жена Сагина, так как Валентин танцевал с Надей. Они вошли в круг танцующих.

– О чем вы сейчас думаете? – настойчиво спросил он ее.

– Счастливая ваша жена, вы мне представляетесь идеальным мужчиной.

– Это только с вашей точки зрения, моя жена думает совсем по-другому.

Как только музыка сменилась на быстрый ритм, они перестали танцевать. Сагин продолжал вальсировать с Надей.

Виктор вышел в сад. Он подумал, что с легкостью поменял бы праздничный банкет на студенческий мальчишник, где никогда не хватало бутербродов, но где он никогда не скучал. Поздно. Время ушло безвозвратно.

Он поднял голову и увидел бесчисленное количество звезд. «Человек явление космическое, – подумал он, – отчего тогда мним мы себя песчинками вселенной. Пульс Земли совпадает и моим пульсом. Всему есть свое время. Время грустить и время смеяться. А мне не хочется ни того, ни другого».

Он услышал, как гости уходили из дома. Он посидел еще немного в саду и вернулся в дом.

Она и он сидели друг против друга в тесной комнате.

– Как ты отдохнула в кругу друзей, – спросил он ее.

– Отстань, я устала, – ответила она.

– Конечно, если весь вечер танцевать, – ехидно произнес Виктор.

– Ты о чем? Если о Валентине, то ты его не стоишь, и ты ему многим обязан.

– Я всем обязан! И в первую очередь тебе. А я не благодарный! Запомни это раз и навсегда. Это из-за тебя я в этой жизни никто и ничто.

– Тебе об этом лучше знать, – она злыми глазами смотрела на него.

– А знаешь, почему ты так думаешь, да потому, что ты мещаночка.

– Ты больше ничего не можешь сказать умного.

Вошла теща, села в кресло и стала вязать на спицах носки. Они прервали разговор.

– Я расскажу вам одну интересную историю, – прервал он молчание. – Однажды молодая девушка знакомится с молодым человеком. В скором времени они едут в трехдневное путешествие. Пока длится это путешествие – счастливо летит время.

По возвращении они ссорятся и расстаются. В этот момент в нее влюбляется молодой человек, который почему-то быстро добивается руки и сердца.

Он внимательно следил за каждым движением, и от него не ускользнуло, как переглянулась мать и дочь.

– Он счастлив без ума. Все красиво и трогательно происходит под музыку Вивальди и Мендельсона.

Но третий на правах друга семьи снова врывается в их жизнь. Все все знают, один муж ничего не ведает. И вот он догадывается и говорит ей всю правду в лицо. Она бледнеет, но как все современные девушки в обморок не падает.

– Интересная история, но что в ней такого занимательного, я что-то не поняла, – отрываясь от вязания, произнесла теща.

– В сущности ничего особенного, – в тон ответил Виктор.

– В наше время надо смотреть на вещи просто.

– Замолчи! – Надя зажала руками уши. – Бред какой-то.

– Не нравится, – злобно усмехнулся он и повторил: – Не нравится, я так и думал.

– Чушь! – вскакивает она и встает за креслом матери.

– Потому что это правда, – бросает он им вызов.

– Хватит! Не нравится – уходи на все четыре стороны.

– Мне тоже надоело играть в этом дешевом водевиле. Пока.

Виктор вскакивает и прерывисто выходит из дома.

Надя слышит, как хлопают двери.

– Он еще и буянит, – опускаясь на подлокотник кресла, говорит она.

– Не можете вы спокойно прожить день, – бросает свое вязание Алла Алексеевна.

Виктор не помнил, как очутился в аэропорту. Билетов на нужный рейс не было.

Он подошел к телефону-автомату, позвонил Светлане.

– Алло! Алло? – раздался в трубке ее голос.

Он долго молчал, а потом чуть сдавленным голосом сказал:

– Сколько лет...

– А это ты, привет! Что-нибудь случилось?

– Ничего особенного, если не считать, что я ушел из дома. Я могу сейчас тебя видеть?

В ответ молчание.

– Сейчас? – повторила она.

– Да! – воскликнул он.

– Понимаешь, то что было вчера, оно меня как-то образумило. Вернулся мой муж, попросил прощения. И я его простила.

– Я рад за вас, – сказал Виктор.

– Давай встретимся завтра, – предложила она. – И еще прости, что я вчера наговорила глупостей, это со зла. Позавидовала тебе. Твоей жене. Твоему другу.

Он повесил трубку. Прошел в фойе. Сел в кресло и стал смотреть сквозь стекло на самолеты.

Он облегченно вздохнул. Он принял эту развязку без горечи, без раскаяния. Он понял, что теперь они не будут, как раньше, искать встреч. Все ушло в прошлое. И так просто.

Когда Света положила телефонную трубку, она заплакала, не скрывая своих слез. Она была одна. Она поняла, что в эту минуту она должна быть одна.

Виктор снова почувствовал боль в области затылка.

Надю вспышка ссоры вывела из оцепенения. Она ночной электричкой возвращалась в город.

Она думала, отчего так нескладно течет ее жизнь.

Она смотрела в окно и видела на стекле свое отражение. Она поведала ему свои переживания.

«Я люблю его! Люблю?! Когда родители воспротивились моему браку, то я готова была выброситься из окна. Тогда я твердо знала, что я люблю его, а он – меня. Арифметика любви была проста.

Однажды я сбежала к нему. Он был в стройотряде в другом городе. Я все дни напролет ждала от него письма или телефонного звонка. Позвонил он поздно ночью. Тогда я решила поехать к нему ночным поездом. Собрала чемодан и в дверь, а на пороге отец, оказывается, он невольно подслушал наш разговор. Он сказал, что если я люблю отца, то останусь. Я молчала и не знала, что сказать, как объяснить ему свои чувства. Я оставила чемодан, но все-таки поехала на вокзал.

Утром поезд привез в другой город. Он стоял с цветами и ждал. Я была счастлива. Тогда я не думала, что эти минуты останутся в моей памяти».

Виктор очнулся от головной боли. Он посмотрел за окно и увидел, как шел на посадку самолет, который с нетерпением ожидали встречающие.

Он закрыл глаза и в мгновение прожил сорок лет.

От воспоминаний ему стало смутно на душе.

Он злился на себя за свой характер. Злился за свой проведенный на даче психологический опыт.

Он встал, прошел в камеру хранения, взял свой чемодан, слился с потоком пассажиров и вышел в вестибюль.

Он подошел к телефону, набрал номер Сагина, но ответа не последовало. Он постоял еще несколько минут и решил позвонить домой. Он услышал тревожный, радостный голос жены.

– Это ты?! Почему ты молчишь? Я знаю, что это ты.

– Да, это я, – с трудом произнес он.

– Приезжай, скорей! Я жду тебя. Глупый мой. Я очень жду тебя.

Он отъезжал от аэропорта и увидел, как пошел на посадку самолет.

Часть III

Отель у Акрополя

Глава 1

Она, утомленная перелетом на самолете, лежала навзничь на широкой кровати в маленькой комнате афинского отеля. От кондиционера лился поток холодного воздуха, и одуряющая жара города не проникала в номер. С тела непривычно лил пот, холодный душ не мог остудить тело, и она вышла на балкон, завернувшись в простыню. Внизу по далекой улочке мчались желтые такси, которые обгоняли юркие мотоциклисты. Ирина подняла голову и увидела двух молодых людей на крыше соседнего дома, которые помахали ей рукой. Она стыдливо окинула свой наряд и скрылась в комнате. Ее сердце забилося, выстукивая дробь. Она скинула простынь и увидела свое обнаженное белое тело, которого не коснулись еще в этом сезоне лучи солнца.

Ее охватило беззаботное настроение, и она плюхнулась на кровать, которая в справочнике числилась как твин бед, что могло означать ту бед, когда эти кровати раздвигают по углам. Она втягивала воздух в себя, пытаясь уловить запах моря или что-нибудь такое, что ей бы запомнилось как Греция. Но отель был просто отель с консьержем, у которого были воловь глаза, небрежно бросающим словами впережку с английскими, так что ей почудился знакомый одесский акцент.

Она вышла из отеля в черном платье, в сандалиях и пошла тихой улочкой, грезя по-детски о Древней Эллад. Ирина растерянно смотрела по сторонам, пытаясь найти хотя бы маленькие признаки древности, но город был похож на все южные города Кавказа. Лавки в торговом ряду с назойливыми продавцами. Опрятные греки с точными и плавными движениями рук с безулыбчивыми и озабоченными лицами.

– Давно прилетели? – спросил ее по-русски полноватый грек, но его глаза улыбались. – Я здесь уже два года. Что-нибудь хотите приобрести: золото или шубу. Тут они дешевле, чем в России. У других не спрашивайте. Я найду вам дешевый магазин.

Ирина, обрадованная родной речью и таким покладистым провожатым, с легкостью согласилась на предложение незнакомца. Юра, как представился ей бывший эмигрант, жил эти годы беззаботнее, чем всю жизнь в коммунистическом рае, как он назвал всю свою прошлую жизнь. Они проходили мимо шубного магазина. Ирина посмотрела на искрящийся мех норковых шуб, услужливый Юра в то же мгновение распахнул дверь магазина, где, улыбаясь, ее встретила черноволосая Соня, которая произносила с украинским выговором слова, на малопохожую родную речь с прононсом. Ирина замкнула руки в колечко, слабо отнекиваясь от желания купить шубу, искоса поглядывая на армянскую семью, которая дружно примеривала шубы. Муж волчком крутился около жены и дочери, скорее выкручивался, но это было бесполезно, жена настояла, чтобы воротник от одной шубы отрезали и пришили к ее шубе. Продавцы услужливо кивали головой, что к утру будет все готово.

Соня не отставала от нее, накидывая на ее плечи шубу из норки, трясая в маленьких толстых пальцах искристый мех. Ирина попыталась отделаться от нее вопросом.

– Это натуральный мех, не крашенная норка?

– Что вы, помилуйте, дорогая, смотрите сюда, поверьте своим глазам, разве это мех крашенный. Вам какая шуба нужна? – делая вид непонимания затруднений покупательницы. – Из другого меха, может, из лисы.

Ирина подумала про себя, какая назойливая эта гречанка, ей было обидно расстаться с последними зелеными бумажками, вот тебе и отдых, сразу нарвалась на шубы, в конце концов ехала не за покупками.

– Может, вы хотите подешевле, – бесстыдно спросила Соня, показывая какую-то облезлую кошку. – Вот эта дешевле на двести долларов.

У Ирины закружилась голова, ее стало подташнивать.

Юра сидел за стойкой и тянул бесплатный коньяк, запивая водой. Она с мольбой в глазах попросила вывести ее из магазина. Юра не терял присутствия духа, пытаясь завести в еще один дешевый магазин, на что она категорично заявила протест. После бренди Юра оживился и наконец повел узкими улочками к акрополю, останавливаясь, где только можно у прилавка, кивая головой хозяевам, приговаривая, что тут дешевле, чем где-нибудь.

Ирину сверлила мысль, где акрополь, где ее прародина, ей показалось, что она никогда не дойдет до развалин, ничего не увидит кроме прилавков как на привозе, где не было ничего греческого. Юра шутил, что и пиво тут только разливают в кружки греческие. Но про это он тоже шутил. Он ей внушал, что тут надо всегда торговаться – в этом смысл счастливой жизни. Меняя драхмы на доллары или, наоборот, а потом еще торгуясь, то получаешь большое удовольствие в жизни, где всем понемногу перепадает на кофе, так что жить можно, если хочешь жить. Под этим солнцем все оживает.

Тихий ветерок обласкал ее лицо. Она подняла голову, и на вершине горы возвышался желтостенный акрополь, внизу лежал белокаменный город, чем-то напоминающий район Черемушек. Акрополь лежал драгоценным камнем в оправе, бесценной для человечества. Не будь Греции, ее невозможно было бы выдумать. Она повторилась, тысячами копий, так и не воспроизведя оригинала. Никто не знает, когда и почему пришли сюда люди с Севера. Принесли на эту землю многобожие и поклонение огню, восхваляя природу человека, уравнивая его в правах с богами.

Юра, вскидывая руки, начал рассказывать новую Одиссею, перевирая научные факты, из учебника по истории за пятый класс общеобразовательной школы.

– Афина родилась от обалдевшего папаша Зевса. Вообще греки поздно женятся. Тут причина простая, чтобы содержать семью, то ты должен быть состоятельным человеком, скопить какой-нибудь капитал. Это у нас женятся по любви, тут по деньгам. – Юра остановился и снова перешел на тему прошлой жизни древних греков. – Зевс был большой обжора, поедая даже деток. Он и Афину заглотил, тут проходил бог-молодец Гефест, нестерпев, так двинул топором по голове, что у того враз прошла мигрень, Зевс выплюнул славную девушку Афину, которая в благодарность на том самом, то есть на этом месте, воздвигла город, и греки ее почитали, строя в ее честь храмы.

Они все выше и выше взбирались в гору. У Ирины кружилась голова от волнения.

– Конечно, греки любили разыгрывать друг друга. Эгею, порядочному человеку, Зевс подкинул сына Посейдона, своего дружка, который курировал моря и реки. Тот был Тесей, развитой мальчишка, уже в детстве совершивший много подвигов. Самый значительный он совершил на Крите, тут недалеко, в погожий день можно сплавить. Там жил еще один обжора Минотавр, но тот был гурман питался девочками и мальчиками. И сладу с ним было никакого, подавай ему только молоденьких. Зажрался короче зверь. Тесей, прибыв на остров, быстро так разобрался с этим мафиози, порешил его. Потом, конечно, пьянка, возвращаясь домой, забыл поменять паруса как договаривался с отчимом Эгеем. Тот увидев черные паруса, в расстройстве рассудка бросился в голубые волны. То ли плавать не умел, то ли обессилел, как Чапай утонул, и прозвали это море Эгейским. – Юра остановился, немного задыхаясь от сердечной астмы, потянул носом воздух. – Я чую, как пахнет море. Ирина, вот и дошли, покупай билет и ступай одна. Там надо быть одному. Иначе за разговорами ничего не увидишь, и тебе ничего не приснится.

Ирина облегченно вздохнула и ветерком понеслась по отутюженным мраморным ступенькам к древним храмам.

Глава 2

Ирина лежала полуобнаженная на постели в отеле. От вчерашней усталости, обезножившись, она еле шевелила рукой. Кондиционер как мешок Эола дул всеми ветрами. Ей не хотелось просыпаться, приоткрывая глаза, она снова закрывала и уносилась в свой полуденный сон, шепча: «Это все надо запомнить! Я счастливая женщина...»

Палило солнце, когда начался праздник. Играла музыка. Воины в нарядных костюмах поднимались к храму Богини Афины, которая сверкала драгоценностями, золотом, руки казались настоящими, несмотря на искусную отделку из слоновой кости. Храмовые жрицы, девушки держали лавровые венки. Жертвенный огонь распался тело гетер. Ирина стояла в толпе юных дев. Она должна вручить самому сильному и храброму воину венок. И должна участвовать в культовом празднике, который был привнесен финикийцами и жителями Кипра. Венере поклонялись так же как Афродите, которая была намного добродетельнее и покровительствовала целомудренной любви.

Воины, распаленные солнцем и предстоящими ночными оргиями, все возбужденнее выкрикивали: «Хеллас! Эллада!» Ирина увенчала молодого грека венком, который смотрел глазами ее друга. Ей хотелось погладить волосы. Он задержался около нее и спросил.

– Откуда ты, прекрасная девушка?

– Оттуда, где веют холодные ветры Борея.

– Сегодня большой праздник. Я хочу провести его с тобой. Я принесу богине все что у меня есть, чтобы она разрешила провести эту, может быть, последнюю ночь в моей жизни. Я ради тебя совершу такой же подвиг, как ради Зевса.

– Встретимся под первой звездой, – взволнованно произнесла она. С наступлением вечера народ притекал к центру Афин. Все больше появлялись на улицах женщины, волосы которых были окрашены в желтый цвет. Это были гетеры. Старые гетеры усаживались у высокого окна, выходящую на улицу, зазывая прохожих, прикладывая к губам миртовую ветку. Ее заметил молодой грек, который был увенчан лавровым венком днем в храме. Он искал Ирину. Старая гетера приблизила большой палец к безымянному, показывая кольцо. Она ждала, когда он поднимет вверх указательный палец правой руки, но грек покачал головой, сделал знак, что ищет прекрасную Таисю Бореискую.

Город быстро погрузился во мглу. Воины пили вино. Куртизанки веселили островами. Афинские гетеры получали образование в Коринфе. Там они постигали искусство кокетства, переходя от меланхолии к горячей экзальтации, превращаясь из жертвы в охотниц любви. В тоже время они громко торговались о цене, домогающихся толстых мужчин.

Прославленные воины и государственные мужи, не говоря о философах, теряли головы, из-за обворожительных в ночи гетер. Гетеры играли не только на чувственных струнах человека со скоропроходящей страстью, используя искусство любви, искусство нравиться, музыке, философии и ораторскому искусству. Жрецами поощрялись гетеры, так как они приносили в жертву на алтарь любви и доходы от своей «первой любви».

Знаменитая гетера Аспазия подчинила своей философии любви Перикла. Она влияла на политику через любовь и страсть. Имея распутный характер, она нажила много врагов, которые обвинили в безнравственности, представ перед ареопагом по обвинению в оскорблении богов. Перикл лично явился в судилище и слезами и мольбами смягчил сердца судей и спас таким образом от жестокой кары.

Сердца судей зачастую были сердцами простых людей. Так случилось с другой гетерой Фриной. Она предстала перед судом неумолимого ареопага, обвиненная в развращении

граждан. Гиперид стал доказывать невинность своей бывшей любовницы, но судьи оставались непреклонны в решении смертного приговора. От отчаяния Гиперид быстрым движением подвел к барьеру и сорвал одежду, и она, обнаженная, предстала во всей дивной красоте перед лицом изумленных судей. Тело ее было совершенным образцом женских форм по чистоте и гармоничности линий. Во имя эстетики, во имя совершенства формы и пропорций обвинение было отвергнуто. После ее смерти Праксителем была выплавлена из чистого золота ее статуя, которую поместили в храме Дианы в Эфесе.

Большая часть гетер обязана своей славой своим покровителям. У Аристотеля, родоначальника греческой философии, была любовницей гетера Герпилис. Эпикур разжигал острую полемику своей любовницы Леоции с философом Теофрастом. Знаменитая Таиса Афинская последовала за Александром Македонским в Азию. Затем стала любовницей Птолемея, впоследствии царя Египетского.

Из-за гетер спорили философы, Теодота стала яблоком раздора между Сократом и Аристофаном, который обвинил своего соперника в развращении юношества и введении новых божеств, приведя его к гибели. Софокла возлюбила Теорида, отвергнув Демосфена, за что была приговорена к смерти. Ей посвятил свой гимн Софокл. «...Силы истощены, но уму не чужды еще юные порывы».

На всех праздниках участвовали гетеры, танцовщицы, которыми был наполнен город-государство Афины.

Молодой юноша вошел в храм и увидел у жертвенного огня свою избранницу. Он подошел и склонил одно колено. Чего не делал никогда древний грек. Она прижала его голову к своим бедрам. Ирина прошептала: «Со щитом или на щите. Ты мой господин в любви. Я делаю признание».

Он встал. Она увидела до боли знакомое лицо ее друга. Ее тело охватила судорога. Ветер набирал силу и становился все порывистым.

– Запомни воин, пройдут века. Я буду помнить тебя.

– Откуда ты, где твой край.

– Откуда и ты. Я делаю здесь признание, когда все сверкает в блеске и славе, утопая в неге и роскоши. Но скоро это превратится в руины.

– Этого никогда не случится. Сыны Эллады не допустят позора разрушения. Со щитом или на щите – наш девиз.

Она взяла его за руку и подвела к краю горы, внизу раскинулся ночной город, наполняясь разгулом оргий.

– Город уже разрушен куртизанками и изнеженными философами. Твоя жизнь может быть понапрасну оборвана в борьбе с врагами. Внутренний враг уже в городе.

– Человек не может без радости побед. Олимпийские боги подарили нам игры, где мы состязаемся в силе и ловкости. Если и будут развалины. Если останется один камень на этой горе, то город возродится. Его соберут по камешкам.

– Тогда я буду помнить твою любовь, мой воин. Моя страсть к свободе будет гореть, как этот жертвенный огонь.

– У нас столько богов. Разве они не способны защитить нас.

– Чем больше их, тем меньше веры у людей. В этом слабость богов.

– Ты не принадлежишь этому храму. Это святотатство. Откуда ты?

– Нет, там не растут оливковые деревья. И год там делится на две половины: одна теплая, другая холодная.

– Скоро мы отправимся в тот далекий край за золотым руном.

Ирина отошла в глубь храма и скрылась за колонной. Послышались шаги стражников. Разгоряченные оргией мужчины и женщины окружили воина. И стали приплясывать. Он

стал подбегать то к одной, то к другой, спрашивая, кто знает Таисю Борейскую, те только покачивали головой, показывая, что они вообще такую не знают.

Ирина спускалась по тихой улочке в сторону центра Омония. У стен храма она потеряла настоящее ощущение пространства и времени. Камни Парфенона, собранные в колонны, каменные богини, весталки. Мгновения истекли в быстром потоке, почти с такой же скоростью, с какой она спускалась вниз по улочке к современному отелю из стекла и бетона. Где волоокий консьерж небрежно подал ключ от номера. Она поднялась в лифте, где к греку прижималась чернокожая женщина, которая чмокала его в лицо, приговаривая «ай лав ю».

Ирина поймала удивленный взгляд молодого грека, когда она проходила мимо него.

Глава 3

Ночь. Прогулочным шагом Ирина идет в сопровождении Юры в таверну. Утром, днем и вечером одна и та же улица изменяется до неузнаваемости. Море огоньков, которые не ослепляют прохожих, а, наоборот, заманивают, как мотыльков, на свет. Тонкий аромат греческой кухни пробуждает настоящий голод. Хочется есть и пить. Слушать музыкантов под распевный голос певца. Если один поет грек, то другие только слушают. Зазывалы приглашают в таверны и рестораны, где нет неудобных мест.

Ирина села за стол прямо. В ее лице, в красивом блеске волос, в изящных руках, во всем сквозила свобода и раскованность тела. Когда заказывали блюда, официант делал вид, что он понимает все языки мира. Юра махнул рукой, когда официант отошел от их столика.

– Тут заказывай не заказывай, нанесут всякой всячины.

Через минуту на столе поставили блюдо с грека-салат. Массаци – блюдо трудно переводимое на другие языки гурманов, где картошки достаточно и в обратной пропорциональности мясо. Шашлык. Вино.

– Нам это все не съесть, – рассмеялась Ирина. – Я давлюсь от овсяной каши.

– Воздух пробуждает аппетит. Я предлагаю выпить аузо. Он достал из внутреннего кармана маленькую двухсотграммовую бутылочку и разлил в бокалы по пятьдесят.

– Как говорили древние греки: в жару необходимо пить водку, а в холодное время вино. Водка оттягивает на себя весь жар.

Ирина выпила аузо, чуть закашливаясь, которое было сладковато на вкус, что ей напомнило грузинскую чачу. Вино было сладкое и слабое. После этого она накинулась на салат. Тут заиграла музыка.

– Я это видела в рекламном ролике, сейчас выйдут греки танцевать пастушеские танцы. Я уважаю греков, – пьянеющим взглядом она окинула квинтет танцоров. Она увидела за соседними столиками японцев, и, конечно, соотечественников.

Ей захотелось танцевать. Она подумала, что не уйдет, пока не станцует с разодетым в красное платье юношей. Он подскочил к ней и протянул ей руку, и она кинулась за ним на сцену. Танцевала она на манер раздольной барыни и шейка. Теперь она смотрела в зал, но огни ramпы слепили ее глаза. Выглядела она как бабочка, которая танцует последний свой танец на исходе лета.

Она потеряла себя в пространстве и во времени. Ее воин – пастух. Турки хозяйничают в Афинах. Как рассказывал Юрий. Байрон, путешествуя из Албании в Грецию, написал первые строфы в девять строк о Чайльд Гарольде. Поэтическое произведение принесло ему известность сначала в салонах Лондона, а потом во всем мире. Так было суждено судьбе. Байрон впервые увидел под небом цвета индиго, где стоял прозрачный воздух, среди скалистых гор, чуть тронутой охрой и шафраном маленькую деревню. Турецкий гарнизон расположился в акрополе. В 1809 году он прибыл в Афины. Он был потрясен минувшим величием этих мест и их убожеством.

Байрон вошел в таверну и уселся напротив Ирины. Он смотрел на нее заворуженно. Его восхищала красота непокорной северянки. Музыка смолкла. Грек присел около ее столика.

– Я не могу сейчас отдать свое сердце, прекрасная девушка. Мои братья воюют. Но турки сильнее нас.

Байрон похлопал по плечу пастуха.

– Тебя не может полюбить эта девушка. Ты не достоин носить имя грека! Что ты можешь сделать? Отомстить за себя!

– Со щитом или на щите, – твердо отчеканила Ирина.

– Я пью за свободу этой женщины, который даст ей настоящий мужчина.

Байрон отошел от них и сделался мрачным как туча. Ирина встала и поднесла ему бокал вина. Он залпом выпил и по-гречески произнес: «Тот, кого любят боги, умирает молодым». Из рода в род Байроны умирали в тридцать шесть лет.

– Пойми, красавица, что великая суть жизни – это ощущение. Не печалься, грек. Чувствовать, что мы существуем хотя бы в страдании.

Заиграла веселая музыка, пастух снова увлек ее в танец. В порыве танца у нее пронеслось в голове, губы зашептали: «Я люблю тебя, мой пастух...» Он крепкой рукой поддерживал ее талию. Ее тело куда-то проваливалось в глубину, но он ее выхватывал и снова подбрасывал над собой. Его страстные глаза впились в ее губы. «Он хочет меня как женщину», – она ужаснулась этой мысли. Ее тело напряглось, стараясь подавить в себе волну экстаза. Всю свою разбуженную страсть она сожгла в танце. Она оглянулась вокруг, и все действующие лица были перед ней. Японцы держали друг друга за руки. Немцы, пошатываясь, подпрыгивали за танцорами, повторяя урок танца. Только соотечественники пили аузо и вино.

Вечер быстро пролетел, сначала исчезли из таверны японцы, потом немцы, и только соотечественники, раскачиваясь на стульях под мелодию амурских волн, не хотели уходить, но официанты сносили с подносами, опустошая столы.

Она вышла, поддерживаемая Юрой под руку, из таверны. Она не видела звезд. Только акрополь со всех точек освещался мощными прожекторами, полуразрушенные храмы напоминали, что все осталось позади безвозвратно в глубокой истории. Может, еще найдутся чудачки, которые для греков откроют Грецию. Богиня Афина бесследно исчезла со многими другими храмовыми золотыми божками. Жертвенные огни потушены во всех храмах.

– Юра, а где Байрон? Он был ведь в таверне. Что с ним случилось, он был такой мрачный. Поэты тоже немножечко от бога.

– Байрон вторично прибыл в Грецию, когда тут вспыхнуло восстание. Он помогал деньгами и своей музой. Тут произошла беда и от случайной болезни смерть. Тридцать семь раз палили пушки, это было число лет усопшего.

– Это он вдохнул в греков повстанческий дух свободы. Я люблю Байрона! – воскликнула опьяневшая Ирина.

– Кто-кто, а женщины его любили.

– Юра, я не хочу идти в отель. Я не хочу спать, – капризно произносила она. – На меня так страстно смотрел пастух-танцор.

– Вот поэтому я и хочу отвести тебя в отель.

Хмель начинал медленно улечуваться.

– В Греции все есть, Юра? – спросила она, икая.

– В Греции все есть! – сытно отрывая, ответил он ей. – Завтра на остров. Тебе нужен воздух, а то ты совсем бледненькая. У тебя непременно должен быть морской загар. Я тебя рано разбужу. Она снова одна поднялась в номер.

Глава 4

В четыре часа она проснулась в поту. Во рту пересохло от жажды. Она накинула простыню и вышла на балкон. В небе тонкий месяц с одной звездой. Она вспомнила, что два дня не видела солнца. До подъема оставалось два часа.

Ирина легла на постель. Голова похмельно трещала, мышцы занемели. Она брезгливо ощущала сигаретный дым, кисловато-сладкий вкус водки, вина. В ушах заиграла музыка. И тут она ясно представила своего друга Алексея. Перед отъездом произошла неловкая размолвка после бурного зимнего романа. Она вспомнила свое первое желание, когда он поцеловал ее, прикоснуться рукой к его голове. Упругие черные волосы покалывали ее губы. Что с ней произошло – наваждение или действительно проснулась дремавшая любовь ушедшей юности, выплеснувшаяся в тридцать пять лет. Его чары сняли с нее все запреты. Она принадлежала ему, считая, что так и должно быть, а не иначе. Что она не нарушает никакого морального закона ни перед кем, тем более перед собой.

Однажды изможденная судорогами страсти, она лежала около его ног. Она прижималась к его ногам и думала, что хотела бы, чтобы ее увидел муж, как через стекло. Без его назойливых расспросов. Отчего она с другим. Что он сделал, что она в объятиях другого. За что она ушла к любовнику от него. Она точно знала, что именно такие занудные и беспомощные вопросы он будет задавать ей. Ирине не хотелось отвечать. Теперь она твердо решила для себя, что уйдет от него навсегда. Куда? Этот вопрос был для нее в данном случае второстепенный. Главное он был для нее чужой.

Она лежала на постели, сжимая в руках простыню, тело змеей извивалось между подушек. Слезы покатались из ее глаз. Если бы она не уехала, все оставалось бы по-прежнему, а теперь – нет.

Она возненавидела мужа. Действительно, почему? Почему он стал ей противен. Десять лет брака. Сейчас вся прежняя жизнь перечеркивается невидимой чертой. Ей захотелось кого-нибудь обвинить. Мужа. Дочь. Никто ее не понимает, что с ней происходит, себя она тоже не понимала. Ей муж стал противен так, что она не переносила запаха его тела. Его привычки есть и пить. Она ушла от него в другую комнату, где спала, свернувшись калачиком, одна. Прошла неделя, другая. Бойкот продолжался. Тогда он для храбрости выпил и силой попытался принудить ее к сожительству. Она кошкой расцарапала ему руки и грудь. Он, рассвирепев, ударил ее по лицу. Но она не заплакала. И он почувствовал свое полное бессилие перед ней. Плакала дочь. Он выскочил разгоряченный на мороз без куртки.

Несколько дней после этого события было самое тягостное молчание. Потом его слова прощения. Слезы. Она тогда не знала, как отомстить за унижение перед силой. Первая месть была в ее безмолвном теле, когда он упал, задыхаясь и обливаясь рядом, трепетно поглаживая ладонью ее живот. Тело ее было онемевшее и холодное. «Что ты лежишь как бревно?», – проговорил он. Она повернулась к нему спиной. Ей это принесло огромное удовлетворение.

В движениях мужа она стала замечать, что он по-бабски раздражен к ее одежде, к ее косметике. Все чаще упрекал за стирку, уборку квартиры. Перемывал посуду.

Для него стали пыткой ее переодевания перед зеркалом. Смена нарядов, отвергая в тот же момент его сексуальные домогательства. Она бесстыдно надевала наряды, которые носили восемнадцатилетние девчонки. Он кричал ей в замочную скважину ванной комнаты: «Стриптизерка! Тебе только на панели работать. Шлюха». Он кулаком бил в дверь и уходил из дома.

Она подолгу смотрела в зеркало, разглядывая свои глаза, сметая кисточкой тушь под ресницами, с назойливой мыслью: «Я падшая!»

Тогда ей осталось сделать только робкий шаг, стоя на краю пропасти. И она сделала его при первом прикосновении к другому чужому мужчине. К его волосам, к его губам. В первый вечер она произнесла безотчетно три слова: «Я тебя обожаю!» Роман зимой. Дождь, слякоть, мокрый дождь, наконец, снег, пересыпанный солью, почти до самой гололедицы прошел незаметно. Полярные дни сменились белыми ночами, и ее полноводные чувства души таяли в апрельском светло-голубом небе.

Короткие страстные встречи. Ее губы помнили каждый кусочек его тела. Ей казалось, что он холоден. Что он не чувствует всех ее переживаний, считая, что позволяет себя любить. При всем том ее всегда тянуло к нему, с ним она была без запретов. Только страсть и безумный восторг. Может, и в ее экстазе не было трепетной любви, но зато она наслаждалась упоением раскрепощенности тела. Она опустошенная возвращалась домой. Раскол с мужем произошел через три месяца и один день. Развод определил его права и ее права. С этого дня они жили в разных чужих мирах, – встречаясь друг с другом, как незнакомцы.

Афинский рассвет просвечивал через жалюзи окна синеватой дымкой. Она положила ногу на ногу начала раскачиваться в постели. Тело забилося в пляске экстаза, ее руки поглаживали бедра, вздрагивая, тихо вскрикивая, изгибаясь, падала, вдавливаясь в матрац. Секундами сознание ее пропадало.

Проснувшись она от резкого телефонного звонка, который сорвал ее с постели. Она услышала голос Юры. Он звонил из холла отеля. Накинув майку, натянув шорты, кроссовки, она легко сбежала по лестнице в холл, где ее дожидался лысоватый толстячок Юра.

Глава 5

Остров Эгина в бледной дымке проступает с каждой минутой, с каждым узлом старого катера, который, пыхтя, разрезает маленькую волну. У Юры приподнятое настроение, такое ощущение, что он не унывает ни утром, ни вечером.

У Ирины слегка кружится голова. Ей, несмотря на головные боли, хочется все рассмотреть и, главное, запомнить.

– У этого острова есть тоже своя история, как у каждого русского князя. Островитяне помогли афинянам в морском сражении с персами. Теперь тут при черных полковниках понастроили отелей, хотя еще тридцать лет назад тут была политическая тюрьма, содержали коммунистов. Греки любят читать Ленина, Троцкого, Сталина. Это их пророки. Под таким солнцем, о чем только не думается.

Катер подплыл к причалу. Ирина, покачиваясь, сошла на берег. Юра подхватил баул, закинул на плечо и попрощался с ней до вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.